

# АХМЕД БЕК АГАЕВ (АГАОГЛУ)



## ГДЕ ЖЕ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

ПОДБОРКА  
ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ  
ИЗ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»

**АХМЕД БЕК АГАЕВ  
(АГАОГЛУ)**

**ГДЕ ЖЕ НАША  
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?**

**ПОДБОРКА ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ  
ИЗ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»**

**БАКУ – 2019**

Ахмед бек Агаев (Агаоглу)  
**ГДЕ ЖЕ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?**  
Баку, Издательство Ганун, 2019, 160 стр.

Составитель, автор предисловия  
и комментариев: **ВИЛЯТ ГУЛИЕВ**

Редактор: Шелале Гасанова

Баку, AZ 1102, пр. Тбилиси, 76  
Тел: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18  
Моб: (+994 55) 212 42 37  
e-mail: info@qanun.az  
www.qanun.az  
www.fb.com/Qanunpublishing  
www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-36-713-3

© Издательство Ганун, 2019  
© Вилаят Гулиев, 2019

Эта книга задумана в год 150-летия со дня рождения выдающегося азербайджанского публициста Ахмед бека Агаева (Агаоглу) (1869-1939) и 100-летия со дня закрытия газеты «Каспий» (1881-1919). Взору современников третьего тысячелетия представлена панорама дореволюционной жизни Азербайджана сквозь призму единственного в Баку источника информации того времени – ежедневной общественно-политической газеты и ее самого плодовитого автора.

Ахмед бек занимал исключительное место среди авторов «Каспия» и в буквальном смысле слова стал лицом издания. В преддверии Первой русской революции, в 1898-1905 гг., на страницах «Каспия» были напечатаны около 600 его статей, очерков, корреспонденций и т.д. Публикации отличались тематическим многообразием и широким географическим охватом, за которыми четко вырисовывался облик масштабной личности А.Агаева. Он стал стержневой персоной национального медийного поля и именно поэтому сумел привлечь прицельное внимание на проблемы, нужды и чаяния родного народа – азербайджанских тюрок, упорно называемых царскими властями татарами, инородцами, туземцами.

Представленная в данном сборнике подборка блестящих образцов публицистического наследия Ахмед бека Агаева озвучивает интонации той эпохи, в которой шло становление национального самосознания азербайджанцев. Глубокие и яркие мысли великого публициста дают пищу для размышлений широкому кругу читателей, среди которых прочное место занимают историки, филологи, журналисты и все люди с сильной гражданской позицией.

**РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ  
РЕСПУБЛИКИ О ПРОВЕДЕНИИ 150-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ  
АХМЕД БЕКА АГАОГЛУ**

*В 2019 году исполняется 150 лет со дня рождения одного из выдающихся представителей азербайджанской общественной мысли, видного публициста и критика, известного юриста и ученого-востоковеда Ахмед бека Агаоглу (Ахмед бека Мирза Гасан оглу Агаева).*

*Ахмед бек Агаоглу с начала прошлого века принимал активное участие в сложных общественно-политических процессах, происходивших в Азербайджане и за его пределами, и был известен как патриот, постоянно находившийся в первых рядах движения национального пробуждения, а также как последовательный сторонник политики модернизации на мусульманском Востоке. В течение своей многогранной, напряженной и плодотворной деятельности во имя защиты общенародных интересов он создал яркое художественно-публицистическое и содержательное научно-теоретическое наследие, внес заслуживающий внимания вклад в дальнейшее обогащение сокровищницы литературно-культурной и социально-философской мысли Азербайджана новыми идеями и концепциями. Обладающие широким тематическим охватом глубоко содержательные работы Ахмед бека Агаоглу, освещающие об-*

*щественные проблемы в духовно-нравственном аспекте, призывающие общество к прогрессу и обновлению путем использования плодов передовой мировой культуры, являются важным вкладом в азербайджанское просветительство.*

*Руководствуясь пунктом 32 статьи 109 Конституции Азербайджанской Республики, в целях обеспечения проведения 150-летнего юбилея мыслителя Ахмед бека Агаоглу, оставившего глубокий след в истории азербайджанской общественной мысли, постановляю:*

*1. Национальной Академии Наук Азербайджана совместно с Министерством образования Азербайджанской Республики и Министерством культуры Азербайджанской Республики подготовить и осуществить план мероприятий, посвященных 150-летию юбилею видного общественного деятеля Ахмед бека Агаоглу.*

*2. Кабинету Министров Азербайджанской Республики решить вопросы, вытекающие из настоящего Распоряжения.*

**Ильхам Алиев  
Президент Азербайджанской Республики  
г. Баку, 10 апреля 2019 года.**

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Самый плодовитый автор «Каспия». (Пером масштабной личности). <b>Вилаят Гулиев</b> .....9	
Конфуций и Ницше (О китайских делах) .....20	
О необходимости газеты на татарско- адербиджанском языке .....27	
Опыт очерка о татарской народной поэзии .....31	
«Цивилизаторь» .....38	
Ашики .....42	
Татарин Асан в пьесе Горького «На дне» .....47	
Несколько искренних слов в адрес «Шярки-рус» .....53	
Редкий юбилей .....58	
Воспоминания о Петербурге (По поводу двухсотлетия).....64	
Рабы шаблона .....70	
Раскольниковы и Кярамы .....74	
Положение мусульманских народов. Ретроспективный взгляд на историю .....81	
Положение мусульманских народов. Прогрессисты и младотурки .....89	
«Где же наша интеллигенция?» .....98	

«Отелло» Шекспира и «Разбойники» Шиллера на татарском языке.....	107
Комментарии и примечания.....	114
Приложение. Список статей Ахмед бека Агаева (Агаоглу), опубликованных в газете «Каспий» в 1898-1905 гг.....	133

## **САМЫЙ ПЛОДОВИТЫЙ АВТОР «КАСПИЯ» (Пером масштабной личности)**

Ахмед бек Агаев (Агаоглу) (Шуша, 1869 – Стамбул, 1939) – уникальная и многоаспектная личность, один из выдающихся представителей общетюркской культуры и азербайджанской общественно-политической мысли XX века, видный публицист, востоковед, государственный деятель.

Примечательно, что первые 15 лет своей творческой жизни он создавал произведения на трех разных языках и делал это блестяще.

В большую журналистику Ахмед бек пришел в Париже, будучи студентом знаменитой Сорбонны, и, соответственно, свои первые статьи написал на французском языке. В 1891-1893 гг. авторитетные французские газеты и журналы, такие как «La Nouvelle Revue», «Journal des Debats», «La Revue Bleue Politique et Litteraire», опубликовали около десяти статей молодого азербайджанца. Объектом его внимания был Иран с его разноаспектной жизненной спецификой, и исследовательская глубина каждой статьи позволяла рассматривать ее как главу отдельного научного труда. Не случайно видные представители французской ори-

енталистики конца XIX века, такие как член Французской Академии Эрнест Ренан, профессор Колледжа де Франс Джеймс Дармстатер, высоко оценивали творчество молодого автора.

В годы учебы в Париже ему удалось сквозь дальние расстояния установить тесные контакты с полуофициозом Наместничества Кавказа газетой «Кавказ». Конечно же, для сотрудничества пришлось перейти на русский язык. В 1892-1898 гг. на страницах «Кавказа» появились такие статьи Ахмед бека, как «На Лондонском международном конгрессе востоковедов», «Хуршид Бану Натаван», «Обновленный ислам», «Коран и невежество», «Народное образование среди мусульман», «Что такое газават и возможен ли он в наши дни» и др. Примечательно, что в номере от 17 декабря 1898 года редакция «Кавказа» назвала А. Агаева одним из своих основных авторов.

Наряду с «Кавказом» статьи Ахмед бека публиковались в бакинском «Каспии», который был вторым по значимости органом печати Кавказа. С 1 июля 1898 года газета стала выходить под редакцией давнего друга А. Агаева Алимардан бека Топчибашева. Это побудило Ахмед бека сделать решительный выбор и вступить на профессиональную стезю национальной журналистики. Он стал штатным сотрудником газеты в должности заведующего литературно-критическим отделом.

Кипучая деятельность молодого и энергичного Ахмед бека не ограничивалась руководством лишь этим подразделением. Вместе с редактором он добровольно взвалил на свои плечи весь груз ежедневной газеты. И это продолжалось в течение 7 лет.

Смена курса национальной политики Российской империи после Первой русской революции послужила возрождению национального духа народов имперских окраин. Воспользовавшись этой исторической ситуацией, летом 1905 года А. Агаев вместе со своим единомышленником, ярким представителем азербайджанской демократической интеллигенции Али беком Гусейнзаде создали газету «Хаят» («Жизнь»). Сбылась заветная мечта – публиковаться на родном языке. За короткое время «Хаят» стал источником духовной и культурной жизни десятков тысяч азербайджанцев, сыграл существенную роль в национальном возрождении народа, оказал огромное влияние на развитие национальной прессы Азербайджана.

Октябрьский Манифест 1905 г., провозгласивший свободу слова, печати, совести, подвинул Ахмед бека на создание новых общественно-политических газет на азербайджанском языке – «Иршад» («Наставление») и «Терегги» («Прогресс»). В 1905-1906 гг. под редакторством А. Агаева вышло 116 номеров «Иршада», а в 1908-1909 гг. он был главным редактором «Терегги».

Тем временем над благополучной и творчески насыщенной жизнью Ахмед бека постепенно сгустились черные тучи. Он оказался в центре внимания коварных армянских национал-шовинистов и, увы, мракобесов из родной среды. Бесконечные наветы и клеветы обернулись реальной угрозой ареста со стороны властей, которые поддерживали остракизм, обрушившийся на журналиста-вольнодумца.

В конце июня 1909 года, во избежание преследований и надвигающейся расправы, А. Агаев вынужден-

но эмигрировал в единственную для него свободную тюркскую страну – Османскую империю. Благо, к этому времени там победила младотурецкая революция, и у власти находились люди, которых Ахмед бек хорошо знал по парижскому периоду своей жизни.

На новой родине журналистская деятельность по-прежнему стояла в фокусе его приоритетных интересов. Настала пора уже в четвертый раз менять язык своих публикаций. Ахмед бек начал писать на старотурецком, т.е. османском языке, изобилующем арабо-персидскими словами и выражениями.

**В 1914 г. А. Агаев поменял свою фамилию, окончание которой придавало ей русское звучание. Это проливает свет на причину, по которой в данном сборнике мы называем исключительно исконную фамилию автора.** Дело в том, что собранные здесь статьи были опубликованы в газете «Каспий» в 1898-1905 гг., когда Ахмед бек подписывал свои статьи фамилией Агаев.

**В Высокой Порте Ахмед бек стал Агаоглу** и с этой благозвучной для тюркского мира фамилией сильной поступью вошел в историю турецкой общественной мысли, культуры и политики. Он явился родоначальником большой, дружной и талантливой семьи Агаоглу, сыгравшей ведущую роль в интеллектуальной и общественно-политической среде Турции двадцатого столетия.

Ахмед бек около полувека своей жизни посвятил периодической печати. Он был ведущим автором, издателем, редактором более десяти газет на французском, русском, азербайджанском, староосманском и

современном турецком языках, выходявших во Франции, в дореволюционном Азербайджане, в Османской империи и Турецкой Республике. Вместе с тем самый активный и плодотворный период его журналистской деятельности, охватившей международный масштаб, несомненно, был связан с газетой «Каспий».

\*\*\*

Ведущая газета Баку конца XIX – начала XX века «Каспий» была основана в 1881 году, с 1884 г. стала ежедневной и продолжала свое существование до 1919 года. По подсчету ученых, за этот период было выпущено 10625 номеров газеты. «Каспий» долгие годы наряду с «Кавказом» считался вторым по значимости и популярности печатным органом обширного региона.

Известный нефтепромышленник и меценат Г.З.Тегиев, принимая во внимание животрепещущую потребность национальной интеллигенции в общественной трибуне, в 1897 г. выкупил газету «Каспий» вместе с ее типографией и отдал в аренду Алимардан беку Топчибашеву. Благодаря редакционной политике, основанной на защите национальных интересов, спустя некоторое время русскоязычная газета плавно превратилась, по меткому выражению современников, в «мусульманский «Каспий». Бакинское жандармское управление с первых же дней не скрывало своего раздражения по поводу того, что единственный влиятельный русскоязычный печатный орган оказался в руках мусульман. Беспокойство оказалось вполне обоснованным.

За неимением газеты на родном языке ведущие представители передовой интеллигенции Азербайджана



сплотились вокруг «Каспия». Гасан бек Зардаби, Султан Меджид Ганизаде, Магомет-ага Шахтахинский, Али бек Гусейнзаде, Нариман Нариманов, Фирудин бек Кочарли, Эйнали бек Султанов, Махмуд бек Махмудбеков, Теймур бек Байрамалибеков, Рагим бек Меликов, Джалил Мамедкулизаде, Мирза Рагим Халилов и другие писатели, публицисты, педагоги, общественные деятели выступали на страницах этой газеты с актуальными статьями, посвященными трудностям и злободневным проблемам родного народа, его мечтам и чаяниям, языку, истории и культуре.

Ахмед бек Агаев занимал особое место среди этих авторов. За 7 лет он опубликовал намного больше статей, чем весь перечисленный авторский коллектив газеты. Общее количество публикаций самого плодовитого автора «Каспия», каким являлся А. Агаев, за названный период доходило до 600. По годам эта статистика выглядела так: в 1898-м – 38, в 1899-м – 71, в 1900-м – 78, в 1901-м – 55, в 1902-м – 78, в 1903-м – 141, в 1904-м – 101, в 1905-м – 24 публикации.

Эта статистика относится к статьям и корреспонденциям, которые вышли в газете за открытой подписью автора. Наряду с этим, не исключено, что Ахмед бек, как и другие сотрудники «Каспия», в некоторых случаях выступал под псевдонимом. Например, судя по тематике и стилю изложения, принадлежность Ахмеду беку подписи Фиренги (т.е. Французский) не вызывает особого сомнения.

О чем писал А. Агаев на страницах «Каспия»? Легче сказать, о чем он не писал. Его публикации имели обширную географию и разнообразную тематику. Само

собой разумеется, что в этой географии основное место принадлежало его Родине, Азербайджану, и Кавказскому региону. Далее следовали Россия, мусульманский Восток и в целом весь мир. Ни один значительный общественно-политический или культурный процесс, ни одна судьбоносная реформа, имевшие место не только на его малой родине или в Российской империи, но и в общемировом масштабе, не оставались вне поля зрения Ахмеду беку. Свидетельством этому являются его статьи, опубликованные в 1898-1905 гг. в газете «Каспий», список которых представлен в «Приложении» данной книги.

Сообразно бурлящим событиям того периода, перечисленные публикации, в основном, носят информативный характер, однако в каждом отдельном случае невозможно не заметить индивидуальный подход и личностную позицию автора. Блестящее образование и кругозор позволяли ему связывать с реалиями Родины даже те события, которые происходили в далеком Китае или в Японии. Значительное превосходство этих небольших по объему публикаций обеспечено тем, что основанная на сильных первоисточниках богатая фактологическая база выводила их из ранжира рядовых газетных статей и ставила в ряд серьезных научных исследований.

Само собой разумеется, что в фокусе интересов Ахмеду беку стояли проблемы мусульманского мира. В своих исследованиях он выступал как блестящий знаток истории ислама, специфических проблем мусульманской религии и культуры, демонстрировал незаурядные знания, аналитическую глубину и точность подходов

в освещении общественно-политической ситуации на мусульманском Востоке.

Автор не довольствовался простой констатацией насущных и гнетущих проблем. Он искусно разворачивал яркую панораму славного прошлого, великих открытий и завоеваний мусульманского мира и исламской цивилизации. Ссылаясь на эти традиции, журналист призывал влачивших жалкое существование мусульман из некогда сильных и свободных стран, ставших жертвой жестокой колониальной политики европейцев, объединиться в борьбе за национальное возрождение и независимость.

Безусловно, такие призывы не оставались вне поля зрения врагов тюркских и исламских народов, особенно армянских воинствующих националистов. С их подачи Кавказский цензурный комитет уже в начале XX века не преминул объявить Ахмед бека Агаева ярым панисламистом и пантюркистом, недоброжелателем России.

В своих статьях, посвященных так называемым общемусульманским вопросам, Ахмед бек уделял пристальное внимание проблемам и трудностям родного народа, а также путям выхода из этого тяжелого положения. Наряду с беспощадной критикой фанатизма, отсталости и невежества, имевших место в национальной среде, он старался ставить во главу угла проблемы качественно невысокого общественного развития, слабого интереса к культуре и просвещению, низкого стремления к обновлению всех сторон жизни, к свободной конкуренции с соседними народами.

Следует особо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве статей под терминами «**татарь**» или

«**мусульмане**» Ахмед бек подразумевал своих соотечественников – азербайджанских тюрков. Совершенно очевидно, что он вынужден был под давлением цензуры придерживаться официального лексикона царской администрации Кавказа. Однако после Первой русской революции в газетах «Хаят» и «Иршад» автор использовал исключительно термины «закавказские тюрки», «азербайджанские тюрки» или просто тюрки.

Пользуясь возможностями русскоязычной газеты, А. Агаев выступал против великодержавного шовинизма, проявлений черносотенства некоторых русских идеологов в отношении к инородцам, особенно к мусульманским народам империи. Наряду с этим он правдиво и объективно освещал жизнь рядового русского человека, добрые и светлые начала, лежащие в основе его природы. Публицист Агаев не боялся открыто говорить о том, что среднестатистический русский, живущий в центре империи, не меньше окраинных инородцев страдает от скверного государственного управления, несправедливости, бюрократизма и чиновничьего произвола.

Следует отметить, что в период работы в редакции газеты т.н. «армянский вопрос» занимал одно из ведущих мест в публицистической деятельности Ахмед бека Агаева. Он наряду с главным редактором «Каспия» Алимердан беком Топчибашевым в своих злободневных статьях смело срывал маски армянских «идеологов», показывал их истинное лица. В 1905 году, в период страшной резни, устроенной армянами вооруженными бандами против мирного азербайджанско-

го населения в Баку и в других частях Южного Кавказа его выступления и призывы носили более последовательный характер. Не случайно, что еще в те годы имя неустрашимого борца за народное дело Ахмед бека Агаева фигурировало во всех «черных списках» армянских националистов».

\*\*\*

Собранные в этой книге статьи Ахмед бека Агаева, опубликованные в газете «Каспий», – малая толика его разноязычного и богатого литературно-публицистического творчества. В целом сложно охватить весь грандиозный масштаб газетно-журнального наследия великого публициста. За годы долгой и плодотворной журналистской деятельности Ахмед бек опубликовал на страницах разных периодических изданий сотни, а может и тысячи статей. Наряду с вышеназванными газетами «Кавказ», «Каспий», «Хаят», «Иршад», «Террегги», он являлся постоянным автором «Терджумани-хакикат», «Тюрк йурду», «Ветен», «Хакимийети-миллийе», «Сон поста», «Ахын» и других газет и журналов, издававшихся в Азербайджане и Турции.

Созданное А. Агаевым богатое наследие является общим достоянием турецкого и азербайджанского народов. Между тем ни в одной из этих стран до сих пор даже не предприняты попытки сбора, классификации, систематизации и публикации этих статей. К сожалению, до сих пор никто не позаботился о подготовке более или менее полной библиографии трудов этого корифея национальной журналистики.

Один из первых биографов, близкий друг и многолетний соратник Ахмед бека Юсуф Акчура подчеркивал особый дар А. Агаева писать легко и быстро. Подводя итоги литературной деятельности азербайджанского публициста всего лишь до 1909 г., он образно убеждал, что если выстроить все написанное Ахмед беком в один ряд, то протянется широкая дорога от Баку до Стамбула. А ведь после этой даты великий просветитель и мастер газетного дела еще тридцать лет занимался активным творчеством.

В данной книге на основе авторских публикаций в «Каспии» мы попытались показать масштабы и многовекторность журналистского творчества Ахмед бека. Хотелось бы верить, что коллеги по научному цеху продолжат эту нужную и полезную работу, исследуя статьи и корреспонденции незаурядного журналиста в других печатных изданиях.

Конечно, на фоне объема и тематики творческого наследия корифея журналистики представленные в книге материалы сравнимы лишь с каплей в море. Между тем иной раз даже одна капля создает должное впечатление о вкусе и составе вод безмерного океана. Хочется надеяться, что представленная вниманию читателя подборка избранных статей Ахмед бека Агаева из газеты «Каспий» станет не каплей в море, а океаном, отраженным в капле.

**ВИЛАЯТ ГУЛИЕВ**

## КОНФУЦИЙ И НИЦШЕ (О КИТАЙСКИХ ДЕЛАХ)

**Конфуций**<sup>1</sup>. О, радостная встреча! Дай обнять тебя, духовный брат!

**Ницше**<sup>2</sup> (гордо, с презрением). Пожалуйста, без фамильярностей. Ничего нет пошлее вульгарных восторгов, особенно китайских. Можно говорить и на расстоянии.

**Конфуций**. И вы, о, мудрец!

**Ницше**. И я, о, мудрец.

**Конфуций** (в сторону). Однако все эти западные дьяволы, умные и безумные, мудрые и простые, на один лад. Что за дикая раса!

**Ницше**. Что вам угодно?

**Конфуций** (указывая на площадь, где скачут французские и германские кавалеристы с отрубленными головами китайцев на пиках, волоча за волосы нескольких мандаринов на место казни). На что это похоже?

**Ницше**. Это похоже на то, что должно быть.

**Конфуций**. Как? Вас не возмущает эта дикость? Ваше сердце не дрогнет от жалости и сострадания?

**Ницше**. Нисколько! Наоборот, это зрелище доставляет мне самое утончённое, самое изысканное наслаждение. Это торжество силы, всемогущей, всеобъемлющей, всезнающей Силы! Я обожаю её; всякое её проявление заполняет моё сердце неизведанными чувствами восторга, услады и упоения; я наслаждаюсь ею, как юный влюблённый наслаждается созерцанием своей возлюбленной! Я оставил небеса, сферу ангелов и серафимов, их пение и хороводы, и снизошёл на эту роковую землю, чтобы упиться зрелищем этой дымящейся крови, терзанием этих измученных тел.

О, всемогущая Сила, как ты величественна и непостижима в твоём незыблемом творении чуда!

**Конфуций** (удивлённо и растерянно). И вы не чувствуете никакой жалости, никакого сострадания?

**Ницше**. Никакого, никакого! Жалость, сострадание! Ха-ха-ха! Пошлая игра чувств!

Когда-то сумасшедшие, подобные тебе, кормили человечество этими жалкими аберрациями<sup>3</sup>. Но с тех пор прошло более четырёх тысяч лет. Ты показался бы теперь смешным, и тебя, вместе с твоими изречениями, посадили бы в клетку на показ и утеху всему миру.

**Конфуций**. Но как же всё-таки без жалости и сострадания? Я никак не пойму такого подхода. Разве только у лесных зверей и антропофагов<sup>4</sup>.

**Ницше**. Довольно этих пошлых, пустых слов, обрармленных в пышные фразы. От них тошно становится. Неужели вы, старые мудрецы, настолько глупы, чтобы предполагать, что человечество должно, как старая ку-

рица, веками высиживать ваши пошлые идеи и чувства? Нет! Оно довольно настрадалось и пролило из-за них слёз. Теперь оно обрело себя, обрело свой путь, и вы, жалкие мудрецы, вы в фаворе только у истеричных женщин и мужчин, страдающих неврастениею или чатхоткою.

Ваша песня спета: теперь период «сверхчеловеков».

**Конфуций** (удивленно). Чего?

**Ницше** (с улыбкою). Сверхчеловеков.

**Конфуций**. А что такое сверхчеловек?

**Ницше**. Это Вальдерзее<sup>5</sup>, Китченеры<sup>6</sup>, Роберты<sup>7</sup>, Чемберлен<sup>8</sup> и все другие великие деятели современности и творцы будущей жизни. Это люди, которые отвернулись от вас, старых пошлых мудрецов, ваших чувств жалости и сострадания, и обрели новый путь, истинный, великий, достойный настоящих здоровых мужчин. Их предвещал ещё несколько тысяч лет тому назад мой славный учитель Заратустра в своей бессмертной книге<sup>9</sup>. Веками человечество мучилось в страшных родах, чтобы породить этих людей-великанов. Но они появились, наконец, и я торжествую, о, мой выживший из ума мудрец!

**Конфуций**. Но чем же они отличаются от других?

**Ницше**. Чем? Тем, что они сверхчеловеки, что их породили особые женщины, ездящие на велосипедах, упражняющиеся в фехтовании. Они крепки, как гранитные скалы Скандинавии, тверды, как горы Гималаев, необъятны, как океан. Их разум величием своим подавил и уничтожил их сердца. И наконец-то человек

стал человеком, нашёл самого себя, сделался воистину «вершиной творения». Он освободился от цепей, которые вы и вам подобные долгими веками накладывали на него вашими пошлыми мыслями о морали, вульгарными и низменными учениями о любви, жалости и сострадании к себе подобным. Любовь, сострадание и жалость! Но где же они, эти пошлые понятия, вы ими держали человечество в темнице, сдерживали и мучили его натуру, не давали ей развернуться во всё её блеске и величии. Теперь человек освободился от них, хвала всемогущей и всеобъемлющей Силе.

**Конфуций** (в сильном волнении). Позвольте, позвольте, однако Вы говорите, их нет в природе, а я вижу и слышу их во всё, что нас окружает. Поёт ли птичка в чаще лесной, журчит ли ручей в долине глубокой, шелестит ли лист при дуновении вечернего ветерка или бьётся ли моё сердце при виде страданий – во всё я слышу призыв к любви, жалости и состраданию. Вся природа, её законы, её гармония полны этим призывом.

**Ницше** (с презрением). Я вижу, старец, что ни годы, ни твои седины не излечили твоего старого детского недуга, твоей простоты. Видел ли ты лес во время бури? Видел ли, как гнутся, ломаются, трескаются мелкие ветви, как вырываются с корнями мелкие кустарники? Одни мощные вековые дубы да сосны стоят гордо и непоколебимо, выдерживая напоры ветра. Видел ли ты тот же лес, когда разъярённый лев несётся с ревом по нему – всё кругом умолкает: звери и птицы твои – все кругом прячутся в норах и в листьях, всё замирает кру-

гом, один он несётся величественно и мощно. Так и в жизни людей. Люди ведь те же звери. Только сильные и мощные среди них торжествуют и будут торжествовать. Вы, мои мудрецы, долго сбивали их с пути, пичкая их головы глупыми вымыслами и парадоксами о какой-то морали, о какой-то любви и страданиях. Любить и жалеть – кого? Это пошлое человеческое стадо, бессмысленное, инстинктивное, их больше всего тиранят? Это не выгодный и не достойный для уважающего себя человека вклад души.

**Конфуций.** (окончательно растерянный). Так что, по-вашему, нет и справедливости?

**Нише.** Конечно, нет или, вернее, есть справедливость, но она основана на Силе. Несправедливо всё, что слабо, хило, безжизненно; общественная сила и кара должны быть направлены на уничтожение бессилия, слабости, немощи, а не на их защиту и поощрение. Жизнь не может быть превращена в благотворительное заведение для приюта низших, калеk, старцев, бедных, больных. Благодетели в этом смысле злейшие враги человечества; против них должен быть обращён меч общественной мести. Для чего, например, живёте на свете вы, китайцы, занимаете столько пространства вашими бессмысленными косами, мелкими, худыми бессильными телами? Не похожи ли вы на муравьёв в человеческом образе? Неужели такой мощный, неуправляемый, пыхтящий от силы поезд должен любить, жалеть вас, человеческих муравьёв? Неужели из-за того только, что вы, китайцы, будете страдать, эти люди, освободившие-

ся от вековых цепей морали и вульгарных чувств, должны вновь добровольно заключить себя в темницу, не давая развернуться своей мощной природе, не делать того, что диктует им их воля? Если ты считаешь на это по своей старческой глупости, то разочаруйся, пощады не будет: сверхчеловеки презируют и ненавидят пощаду.

**Конфуций** (со слезами на глазах). Как же нам быть, как спастись?

**Нише.** Будьте сильны, и право справедливости будет на вашей стороне.

**Конфуций** (с искрою надежды). А как нам быть сильными?

**Нише.** Сделайте то, что делают сверхчеловеки, подражайте природе. Посмотрите, как она мощна, как лукава, как предательски изменчива, и в то же время как мудра и бесцеремонна своею системою воспитания, умственного и физического, переделайте ваших детей, их мускулы, нервы, их мысли, чувства и поступки. Научите их говорить ложь в форме правды – это будут ваши политики, дипломаты и патриотствующие журналисты; учите их убивать, грабить, разорять без жалости и пощады – это будут ваши солдаты и генералы; учите их обманывать не моргнув глазом – это будут ваши коммерсанты и биржевики; научите их изобретать смертоносные оружия с чувством величайшего удовлетворения – и это будут ваши учёные.

Забудьте прежних богов, обогащайте Силу, и вы будете сильны, вас будут бояться, уважать, и вы не будете более нуждаться в пошлой любви, сострадании, жалости.

**Конфуций** (поднимая старческие руки к небесам и дрожащим голосом). О, духи предков, придите на помощь! Этот заморский дьявол хочет похитить мою душу и переселить её в диких зверей!

**Нише** (с презрением). Духи твоих предков здесь ни при чём. Ты захотел быть сильным, я тебе указал путь. Чтобы быть уважаемым, нужно быть зверем, как ты называешь, то есть сверхчеловеком, как я называю. Ты находишь слишком высокой цену перехода – так погибни же со всем твоим племенем!

## О НЕОБХОДИМОСТИ ГАЗЕТЫ НА ТАТАРСКО-АДЕРБИДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о газете на азербиджанском языке обсуждался в прессе не раз...

Но если когда-либо он мог казаться несвоевременным, то в наши дни он настолько назрел, что удовлетворение этой потребности стало буквально неотложным.

У нас в крае большинство читателей – мусульмане, и все они почти без исключения понимают по-азербиджански, а грамотные мусульмане, к какой бы группе этнической разновидности они ни принадлежали, читают на этом языке. Наряду с этим и мусульмане нашего края постепенно развились; теперь наши мусульмане не те, что лет двадцать-тридцать тому назад; у них поднялись торговля и промышленность, появились новые интеллектуальные потребности, неотвратимо требующие удовлетворения. Современному закавказскому мусульманину нельзя уже более довольствоваться узкими рамками интересов родного города и села; он постепенно входит в общественную семью, стремится быть в течении всего общественного.

Что же может быть лучше и удобнее, чтобы держать его «в курсе», доставлять ему «быстробегущие сведения» о ходе дел, жизни, мысли и искусства, как не общедоступная газета на местном языке.

Это не только теоретически – идеальная сторона вопроса. И с точки зрения требований обыденной практической жизни важность газеты для мусульман возрастает до бесконечности.

Для всякого, кто сколько-нибудь задумывался над жизнью нашего края, ясно до очевидности, что если эта жизнь не вошла в надлежащую колею, продолжает представлять много пробелов, изъянов, недочётов и тёмных уголков, то главная причина в этом – некультурность или, точнее, отсутствие факторов и элементов культуры среди наших мусульман.

Мы глубоко убеждены, что при наличии таких культурных факторов, как духовная семинария, обставленные и организованные на рациональных началах народные школы, женские учебные заведения, – мусульмане не отстали бы от других народов Кавказа, ибо по природе не менее их даровиты.

Взгляните на учебные заведения: мусульманский элемент там представлен в виде отдельных изолированных островков, но, тем не менее, за редким исключением, островки эти занимают, если не всегда первые по успехам и поведению места, то, по крайней мере, весьма почётные. Не забывайте при этом, в каких невозможных семейных и общественных условиях живут учащиеся мусульмане!

Именно для того, чтобы улучшить эти условия, сделать родителей мусульманских детей большими сторонниками школы и современных просветительских идей, чтобы, наконец, держать мусульман в курсе требований правительственных властей, необходим для них на их языке печатный орган. Отсутствие этого сильного рычага в деле подъёма умственно-нравственного уровня мусульман является серьёзной причиной того, что [именуемое место] \* сильнейшие общественные факторы среди наших мусульман [довлеют] первобытно-патриархальными идеями и мировоззрением, [вследствие чего] им плохо понятны и даже подчас превратно толкуемы веяния новой жизни. Ни бек, ни мулла, ни торговец, ни крестьянин не понимают духа новой жизни, её основных законов, судебных и административных учреждений; отстав от одной жизни, они не поняли, а потому и не пристали к другой, новой, и, растерянные, очутились в недоумении, подобно заблудившемуся путешественнику на краю пропасти; нужен был толчок, чтобы ниспровергнуть его в пропасть, и этот толчок, к сожалению, даётся им недобросовестным адвокатом и переводчиком и разными радетелями и другими охотниками ловить рыбу в мутной воде.

Этим паразитам обязаны мусульмане, главным образом, развитием таких общественных недугов, как донос, шантаж, воровство, лжесвидетельство, грабёж, несмотря на то, что их религия карает подобные деяния во сто крат строже, чем самые строгие законы.

\*Здесь и далее в квадратных скобках даны редакторские пояснения и дополнения



Последствия подобного положения вещей не заставили себя долго ждать: деморализуясь с каждым днём всё больше и больше, массы населения постепенно беднеют и всё более и более предаются противозаконным деяниям: а это, в свою очередь, причиняет государству не только невероятные и непроизводительные труды и усилия, но даже и расстраивает государственную жизнь, заставляя её выходить из обычной нормы в виде принятия экстраординарных мер. Приводят ли эти меры к цели?

Что несомненно, против чего невозможно возразить, так это неоспоримая услуга, которую печать на местном общедоступном языке могла бы принести и государству, и обществу.

Освещая новую жизнь в лучшем и более доступном свете, знакомя читателей постепенно с основными законами, общественным направлением и принципами административных и судебных учреждений, подобная пресса могла бы постепенно вытеснить посредничество «ходатаев» и разных радетелей, а, следовательно, и лжесвидетельства, и все сопряженные с ними ненормальные явления; в то же время, занимаясь переводами из русской и европейской литературы, она постепенно ознакомила бы население с общечеловеческими идеалами и содействовала бы «очищению» местной этики; словом, всей пользы газеты на местном языке не переислишь, и достаточно сказать, что она полезна.

## ОПЫТ ОЧЕРКА О ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Заголовок этот может вызвать недоумение, а посему мы считаем нужным, прежде чем перейти к предмету настоящего очерка, дать некоторые пояснения относительно поставленной нами цели. Читатели могут ожидать от нас детального, обстоятельного труда о татарской (*прим. ред. — здесь и далее читай «азербайджанской»*) народной поэзии, однако подобное произведение превосходит наши возможности из-за скудости имеющихся в нашем распоряжении источников. Материал этот, увы, чересчур мизерный, являя собой лишь каплю в море, а лишь по капле нельзя судить о всём море. Это обстоятельство сужает наши планы, сводит их к скромной задаче определения главных течений, общего взгляда на татарскую народную поэзию.

Это своего рода рекогносцировка, предпринимаемая с целью очистить дорогу для других, более опытных, более смелых, обладающих достаточной силой, чтобы обозреть детально весь горизонт, погрузиться вглубь народной духовной жизни и познакомить нас со всеми

её богатыми проявлениями. Да и столь широкое пред-  
приятие не по плечу одному человеку, какими бы ре-  
сурсами он ни обладал, каким бы даровитым, продук-  
тивным он ни был. Такой труд требует долгого и по-  
стоянного сотрудничества и поддержки многих людей.  
Особенно ценно в этом отношении сотрудничество с  
теми представителями татарской интеллигенции, кото-  
рые, ежедневно соприкасаясь с народом и живя в его  
среде, имеют возможность лучше и детальнее познать  
его духовную жизнь.

Мы говорим о татарских народных учителях. Жи-  
вущие в деревне, в нетронутой глубине самобытной  
жизни народа, кто [как не они] может лучше отразить  
эту жизнь? Но, к сожалению, до сих пор учителя эти,  
насколько нам известно, ничего не сделали в этой об-  
ласти, за исключением статей, изредка появляющихся в  
«Сборнике материалов для описания местностей и пле-  
мен Кавказа»<sup>10</sup>, который издаётся учебным округом<sup>11</sup> и  
посвящается большей частью народному эпосу.

Единственный труд, который мы можем отметить,  
это «Сборник татарских пословиц», изданный недав-  
но г. Халиловым<sup>12</sup>. Наши народные учителя почему-то  
чувствуют особенную страсть к написанию драмати-  
ческих произведений, но тот, кто их читал или видел,  
согласится с нами в том, что эти мертворожденные про-  
дукты неизмеримо мучительных потуг большей частью  
не стоят даже потраченного времени. Драматический  
талант – это дар природы, который нельзя приобрести  
никакими, даже самыми добрыми, начинаниями или

усилиями. Вот почему произведения наших «драма-  
тургов», которых, между прочим, у нас в Закавказье в  
пропорциональном сравнении с Францией наберется  
в большем количестве, чем армия Атиллы,<sup>13</sup> умирают  
в день своего рождения, не видя света Божьего. Пора  
бы им освободиться от этой страсти, превратившейся у  
некоторых в настоящую манию, и взяться за настоящее,  
действительно полезное дело – изучение народной жи-  
зни в её материальных и духовных проявлениях. Быть  
может, до сих пор их удерживала от этого скромность,  
но излишняя скромность здесь совершенно неуместна;  
всякая лепта, как бы мала и скромна она ни была, ценна  
как необходимая часть целого; она займёт в нём свое  
место, и этого достаточно, чтобы грядущие поколе-  
ния остались благодарными этим скромным тружени-  
кам. Страницы «Каспия»<sup>14</sup> широко открыты для всяких  
попыток в этом направлении, как бы скромны они ни  
были.

Переходя теперь к нашему очерку, заметим, прежде  
всего, что носителями и распространителями народной  
поэзии среди наших татар (*прим. ред. – здесь и далее  
читай «азербайджанцев»*) является категория людей,  
известная под общим названием «ашик»<sup>15</sup>. Что это за  
слово, татарское ли или иностранное, имеет ли оно  
что-нибудь общее с арабским словом «ашик» /влюб-  
лённый/? Мы не решаемся дать окончательный ответ  
на эти вопросы. Только одно нам известно достоверно:  
о существовании ашиков в том специальном смысле,  
как это понимается нашими татарами, мы не читали и

ни от кого не слышали нигде: ни в Южной Персии, обитаемой чистокровными персами, ни в Аравии; более того, этот тип людей весьма распространён всюду, где только живёт тюрко-татарская раса – от берегов Средиземного моря до пределов Китая. Единственное вероятное заключение, которое мы вправе сделать из этого обстоятельства, это то, что ашики существовали у тюрко-татар ещё раньше их столкновения с персо-арабами, и что, придя в соприкосновение с этими цивилизованными народами, они заменили старинный термин новым арабским, как это случилось и во многих других местах.

Как бы то ни было, ашики до поразительности напоминают средневековых трубадуров<sup>16</sup> и миннезингеров<sup>17</sup>, а в России – боянов-гуслиаров. Поучительно в развитии человечества это повторение на расстоянии веков, указывающее на общность судьбы народов. Явления, как волны океана, начавшиеся и давно закончившиеся в одних странах, повторялись в других, как только появлялись условия, вызвавшие первичное движение. Как известно, тюрко-татарский элемент в Азии ввёл феодальный режим, режим самостоятельных крупных землевладельцев, находившихся лишь в вассальной зависимости от центральной власти, вершивших суд и независимо управлявших своими вотчинами, окружавших себя придворными и вечно воевавших между собой. Эти ханы и крупные беки, живя в деревне разобщённо, конечно, скучали и, конечно же, их скука требовала развлечений. Отсюда и появление ашиков, этих стран-

ствующих певцов и музыкантов, ходивших из замка в замок, из деревни в деревню. Они давали концерты в домах ханов и беков, на которых собирались скучающие феодалы и их придворные.

Конечно, теперь не только у нас в Закавказье, но почти повсюду в Западной Азии строй утратил своё значение, исчез, но ашики сохранились и продолжают по-прежнему собирать, хранить и распространять произведения народного творчества, традиции, предания, сказки и прочее. Никакое торжество, ни один народный праздник не проходил без их присутствия: на свадьбах, на больших пирах, при исполнении некоторых торжественных обрядов ашики развлекают гостей своим пением и музыкою. Это настоящие народные артисты, хотя и безграмотные, такие, какими их создал народ, однако со всеми характерными чертами профессиональных артистов. Та же страстная любовь к своей профессии, та же особая забота об изящной внешности, при вечно пустом желудке, та же безалаберность и бесшабашность привольной жизни. Они странствуют целыми ансамблями, состоящими обыкновенно из четырёх человек: двое из них исключительно музыканты, один играет на тамбуре<sup>18</sup>, другой, собственно обучающийся /зуйчи/, подтягивает на глухой флейте<sup>19</sup> в такт остальным.

Первые роли исполняют скрипач<sup>20</sup>, играющий на трёхструнном инструменте, вроде тара<sup>21</sup> /саз/, и флейтист (*прим. ред.* – автор имел в виду исполнителя на национальном духовном инструменте *нейе*), играющий на дудке<sup>22</sup> (*прим. ред.* – здесь и далее читай «ней») Но

дудка ничего общего с зурною не имеет; звук её нежен, мягок, и она звучит в унисон с сазом. Эти же два музыканта одновременно и певцы. Они поют, играют и танцуют как отдельно, так и вместе. Но танец их не размашист, а состоит лишь в мягком и плавном движении ног в такт музыке.

Главный музыкант – это скрипач [ашуг-сазандар], который также дирижирует всем ансамблем и выходит на сцену вместе с флейтистом [исполнителем на нейе]. Он приветствует публику и декламирует какой-нибудь поучительный, религиозного или нравственного содержания стих; последующее повествование будет лишь развитием идеи стиха; таким образом, публика оповещается о содержании представления.

Само повествование идёт попеременно в форме монолога или диалога, дуэта или соло; дуэт или соло поются при аккомпанементе саза или дудки; повествование часто прерывается танцами или рассказом; танцуют то оба артиста вместе, причём они подпирают друг друга локтями так, чтобы обоим было удобно играть на сазе и дудке, то отдельно, когда танцующий перестаёт играть, а не танцующий садится и продолжает игру.

Темой представления служит какая-нибудь история о любви, в которую вплетаются все формы народного творчества: легенды, предания, сатира, оды, пасторали или стихи о злободневных явлениях жизни. Стоит отметить, что в Закавказье есть деревни, прославившиеся своими ашиками, такова, например, в имении Рустамбековых, деревня Кулабли<sup>23</sup> Шушинского уезда.

В этой деревне «ашикство» стало традиционным, наследственным ремеслом, передающимся от отца к сыну. И особо замечательно, что не проходит ни одного десятилетия, чтобы Кулабли не выдвинула той или другой знаменитости. Вообще же **своими ашиками прославили себя Шуша, Шемаха, Казак и отчасти Сальяны** (прим. ред. – выделено нами).

Но кто же творец исполняемых ими песен? [Имя автора] неизвестно, [их творит] сам народ. Не проходит буквально ни одного года, чтобы не появилось с десяток новых песен, новых танцев на новые лады и новые мотивы. Кто их создаёт и выпускает в жизнь – один Аллах ведаёт. Но они распространяются с небывалой скоростью и, передаваясь из уст в уста, за какие-нибудь два месяца облетают всё Закавказье. Их поют, ими тешатся и восхищаются все без исключения: и татары, и армяне, и грузины<...>. **Достоверно известно лишь то, что главной обителью этих песен и танцев являются все те же Шуша и Шемаха** (прим. ред. – выделено нами).

В песнях этих раскрываются большей частью злободневные темы. Объявится ли какой-нибудь разбойник (прим. ред. – здесь читай «бунтарь»), вроде Наби<sup>24</sup>, вызывающий ужас у населения, выкажет ли местная администрация своё неумение бороться с ним – гений народа тут же отметит этот факт и запечатлеет в народной памяти жгучими строками сарказма или жалобы на переживаемую неурядицу; то же со всеми другими более или менее выдающимися проявлениями жизни. Само собой разумеется, что между этими песнями немало посвящений любви и природе. Но об этих разновидностях в следующей раз.

## «ЦИВИЛИЗАТОРЫ»

Люблю слушать европейцев, когда они в пышных дифирамбах развёртывают картину благодетелей, принесённых ими на Восток. Они [де] освободили народы Востока от вечного тиранства! Они гарантировали им жизнь, имущество и честь неизблемыми законами! Они установили между ними разумные человеческие отношения! Они подняли их умственный и нравственный уровень! Они... словом, слушая их, кажется, что до их прихода на Востоке жили одни только дикари и звери и что после их прихода эти самые дикари и звери превратились по мановению волшебного жезла европейцев в «цивилизованных» людей? А вот возмутительные, характерные факты, которые приводят туземные индийские газеты и которые лучше чем целые трактаты иллюстрируют культуртрегерский характер деятельности [европейцев] в Индии.

«В Бомбее перед высшим судом предстали двое англичан, обвинявшихся в изнасиловании одной индийской девушки; обвиняемые ворвались в пьяном виде в дом и совершили над беззащитною девочкою злодея-

ние. Суд оправдал обвиняемых, положив на них лёгкий штраф».

Другой факт:

«В Калькутте, на улице Ардамтур, близ станции железной дороги, четверо англичан напали на проходившую мимо туземку и тут же совершили над нею изнасилование. Обвиняемые не предстали ещё перед судом, но надо полагать, что «суд» поступит с этими так же, как и с предыдущими, т.е. с отечески-покровительственною заботливостью «ради поддержания престижа и реноме англичан среди туземцев»; тем более, что их возмутительно гнусное преступление отведено европейскою юридическою риторикою к разряду деяний, совершаемых в «состоянии невменяемости».

И эти отвратительно низкие поступки совершают англичане, эти традиционные представители европейского рыцарства и джентльменства! Как они корректны, эти «рыцари без страха и упрека» у себя на родине, в Туманном Альбионе! Нельзя поистине не восторгаться их обращением, полным достоинства, уважения и глубокого почтения к женщине. У себя дома, по их выражению, они суть образцы чести и благородства. Ни один английский семейный дом не откроется для приёма не только скомпрометированной женщины, но даже скомпрометированного женатого мужчины.

Враги главы ирландской партии в парламенте Парпеля, чтобы погубить его в глазах английской публики, не придумали ничего лучше, как свести его с одною обворожительною замужнею женщиною, которую Пар-

пель полюбил и с которой потом сильно себя скомпрометировал. [В их среде иной раз] уважение к женщинам доводит до смешного, до фетишизма. Живя в семье, они должны непременно являться каждый раз на обед не иначе, как во фраке и в белом галстуке. Но это всё у себя дома.

Попавши же на Восток, тот же англичанин становится неузнаваемым, он забывает всю домашнюю этику, все свои правила и привычки и превращается в какого-то зверя. Неужели это Восток, его климат, его вода или его пища производят над ними эту метаморфозу?

Или, быть может, англичане не считают жителей Востока людьми, принимают их за каких-нибудь особых существ, не имеющих представления о тех нравственных требованиях и правилах, какие практикуются среди других людей?

Это последнее предположение вернее всего, [ибо] нигде теория «сверхчеловека» не нашла такого практического применения, как у англичан; они пропитаны идеей своего превосходства и едва ступают ногой на Восток, как становятся по «ту сторону добра и зла». Как будто им мало того, что они выжимают из Индии последние соки, что индусы своим телом и трудом добывают им [природные ресурсы], служат как рабы, сами умирают с голоду, чумы и холеры, но наполняют карманы английских администраторов, торговцев и промышленников. Конечно, к таким позорным поступкам прибегают далеко не благородные джентльмены, а

большей частью отбросы Англии, мнящие себя лордами на Востоке.

Каким образом доходят они до той духовной aberrации, весьма удачно объясняет отрывок из письма, полученного в нашей редакции от г-на Uyspertag. Вот что он пишет: «Толпа английских авантюристов ежегодно возрастает; молодой англичанин, любитель хорошей наживы, неумеющий продолжать своё существование в Англии, приезжает сюда [в Баку], думая воспользоваться «дикарями» (так они называют бакинцев). Эти общественные отбросы, из коихни один никогда не бывал в хорошем, порядочном обществе в Англии, сразу попадают в круг гостеприимных русских, татар и армян. Конечно, такая перемена в жизни авантюриста производит сильную нравственную реакцию, он начинает выдавать себя за члена [привилегированного] английского [общества], он злоупотребляет гостеприимством туземцев с совершенно низкими целями. Все эти авантюристы-англичане, служащие в английских компаниях, получают огромные, [ранее] никогда не виданные ими жалования; так, например, стенограф, получавший в Лондоне 5 фунтов стерлингов, здесь получает 20 фунтов. Это, разумеется, оказывает большое влияние на его и без того нравственно испорченную натуру. [Их] обращение с туземцами, служащими в конторах, невыносимо».

Да, посади волка за стол, а он и лапу на стол. Этот отрывок служит наилучшей иллюстрацией всей «цивилизаторской» деятельности господ культуртрегеров на Востоке.

## АШИКИ

Сегодня в театре Тагиева<sup>25</sup> состоится восточный концерт. Это первая попытка в нашем Баку, да и на всем Кавказе, за исключением Шуши, где уже дважды про водили пробные концерты<sup>26</sup>, и в обоих случаях весьма успешно. Публика с восхищением слушала образцы оригинальной татарской музыки, народных песен и мотивов. Исполнители, выступавшие в Шуше, выйдут на сцену и сегодня.

Откровенно говоря, слово «концерт», как иностранный термин, немного смущает нас. Он предполагает известную обстановку, строго выдержанные костюмы, непременно явки во фраке и белых перчатках, [выступление] дипломированных артистов, окончивших консерваторию, короче, весь педантизм и вычурность обычных концертных вечеров.

На сегодняшнем вечере зрителю не придется видеть ничего подобного. Пред ним предстанут обыкновенные, несколько не привычные к сцене татары в чохе, папахе, архалуке и кошах с их загорелыми деревенскими физиономиями, простыми, несколько неловкими

движениями и скованной походкой. Это и есть прославленные карабахские ашики (*прим. ред. – далее читай «ашуги»*), являющиеся главным гвоздём сегодняшнего вечера. Рядом с ними выступят сазандары – татарские певцы и музыканты, играющие на других восточных инструментах, которые исполнят любимые народом мотивы махур, чахаргах<sup>27</sup> и др., вокальные номера так называемой камерной восточной музыки, и, между прочим, будет исполнен дуэт из известной на Востоке поэмы «Лейли и Меджнун»<sup>28</sup>, а также «Татарский свадебный пир в песнях» из драмы г. Ахвердова<sup>29</sup>.

Но сазандары и вокалисты более или менее известны и привычны для бакинской публики; совершенно новым, невиданным и оригинальным для нее будут выступления ашиков, а потому мы и остановимся на них более подробно.

Ашики – это нечто вроде средневековых трубадуров, одновременно и певцы, и музыканты, а в некоторых случаях и поэты. Их песни звучат всеми струнами народной души, отражая верно и просто, не мудрствуя лукаво, все ее порывы, страсти, горе и радости. Поэтому они так же просты, так же искренни и звучат с такой же естественностью, как и народная душа; в их вибрациях слышатся отзвуки народной жизни, простой и безыскусной, а потому они и ощущаются проникновеннее и сильнее.

Само собой разумеется, что между музыкой и песнями народа, его духовным складом и образом жизни существуют неуловимые связи, которые усиливают их

воздействие на данный народ. Татарская музыка (*прим. ред. – читай «азербайджанская»*) чарует татарина (*прим. ред. – читай «азербайджанца»*) глубже и сильнее, чем кого-либо другого. Нужно быть жителем юга – кочевником в глубине своих инстинктов, носителем мотивов бродячей жизни, с ее усадлами и горестями, с ее скучными однообразными картинками, которые временами прерываются стихийными сценами, с чувством предопределённости и покорности судьбе, общими для всего Востока, и порывами желания вольной жизни, – чтобы почувствовать глубокую отраду, когда чередуются страстные звуки «саза» и «дафа» с этими тихими, жалобными, как бы усыпляющими убаюкиваниями нея.

Но ашики не просто певцы и музыканты, они и рассказчики, и повествователи народной жизни, нравовители народа, и этим татарская музыка глубоко отличается от «учёной» персидско-арабской музыки; кроме того, эта особенность делает её разнообразной, а не утомляющей и скучной, как это бывает с «учёной» арабско-персидской музыкою при долгом повторении.

Весь оркестр ашиков состоит из трёх и никак не более четырех музыкантов. Главная руководящая роль принадлежит ашику. Он одновременно и певец, и играет на сазе, трехструнном инструменте; в такт с ним бьёт барабанщик, им подыгрывает особого рода дудка, называемая «ней».

Прежде чем начать представление, ашик в нескольких стихах излагает сюжет. Эти сюжеты столь же разнообразны и бесконечны, как сама народная жизнь. То

это свадебная песня, то пастораль, то едкая эпиграмма, то простое комическое изображение того или другого случая из жизни, то любовные похождения и целые романы. Рассказ, сопровождаемый пением и музыкой, местами прерывается танцами, приуроченными по характеру к данному эпизоду рассказа. Кто сочиняет эти песни, выдумывает эти рассказы – никому не известно точно, обыкновенно их приписывают какому-то миру легенд, но, вернее всего, их сочиняет весь народ. Ежегодно появляются новые рассказы, новые песни и новые мотивы. Переходя из уст в уста, они вскоре становятся всеобщим достоянием. Само собой разумеется, что главными собирателями и хранителями этих образцов народного творчества являются все те же ашики. Они, непрестанно перебираясь из одного места в другое, собирают, как пчелы, эти цветки народного эпоса и передают их из поколения в поколение.

Но ашики, играющие столь важную роль в жизни народа, в последнее время, к сожалению, начали заметно исчезать: их вытесняет арабско-персидская музыка; в некоторых губерниях Закавказья их уже нет, и современное татарское поколение в таких местах не имеет представления об ашиках. **Только в Елисаветпольской губернии, и то в одном Шушинском уезде, они продолжают упорно держаться и отчаянно противостоять персидской музыке. Там есть целая деревня ашиков, Кулаби, где по традиции эта профессия переходит от поколения к поколению (*прим. ред. – выделено нами*).**



Нужно только сожалеть об этой печальной судьбе ашиков и об их постепенном исчезновении. Их музыка и пение во многих отношениях превосходят арабско-персидскую [музыку] и имеют более сильное воспитательное значение. Прежде всего, им чужд педантизм и присущие ему атрибуты; они, будучи простыми и естественными, действуют сильнее, глубже и ощутимее. Далее, мотивы песен не носят в себе ни грубого эгоизма, ни того излишнего накопления красок, чуждых реальной жизни, которые, не будучи естественными, скорее надоедают, чем доставляют эстетическое удовольствие. Музыка ашиков, как правдивое отражение самой жизни, простая и разнообразная, [и тем самым] доставляет больше эстетического наслаждения.

Вот почему нужно вывести ашиков из прозябания мрачных деревень на свет, на обширные городские площади. Городской житель – самый эфемерный, самый непостоянный из всех людей; он слепо следует за модой, какой бы она ни была. Нужно ввести ашиков в моду, тем более что это стало бы одною из на редкость полезных мод с воспитательным значением.

## ТАТАРИН АСАН В ПЬЕСЕ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Гениальные люди тем и отличаются от простых смертных, что они одарены особым шестым чувством, дающим им возможность проникнуть в тайники природы, в глубину неведомых миров, читать ясно там, где другие теряются и путаются. Они, как выражается Карлейль<sup>30</sup>, находятся в прямом и непосредственном общении с «фактом» настолько необъятно-грандиозным, что перед ним бессильны умы и чувства рядовых людей, которым трудно постичь то мучительно молчаливое и таинственное, что носит название «бытия». Непостижимое для других, оно широко раскрывается пред ясно видящими очами избранных талантов и чрез их уста – пред простыми смертными.

Мировая история насчитывает мало таких «[пердатчиков] факта». В древности на Западе это были незаурядные великие мудрецы, на Востоке – пророки, в новейшей же истории – реформаторы, гениальные мыслители, поэты и писатели. Но в области литературы ни один народ не дал таких титанов мысли, с про-

нищательным вниманием к окружающей нас немой таинственности, как русский [народ] (*прим. ред. – выделено нами*). «Ни один писатель, – говорит Тэн<sup>31</sup> в своих критических этюдах, – не дает читателю так глубоко проникнуть в природу, прочувствовать ее красоты, читать столь ясно в душевных тайниках людей, как Тургенев»<sup>32</sup>. То же самое с еще большим правом можно сказать про Достоевского<sup>33</sup>, Толстого<sup>34</sup>, Лермонтова<sup>35</sup> и др.

Эта характерная особенность русских писателей объясняется, по-моему, их беспредельным вниманием к человеку, их бесконечным желанием понять его, проникнуть в его природу, выяснить для себя состояние его души, найти причины его страданий и вызвавших их окружающих условий. Я сейчас читаю Помяловского<sup>36</sup>: каждое слово, каждая строка так и дышит поэзией человеческой любви, проникнута мучительным поиском и раскрытием тайников души человеческой, желанием определить в них наиболее важные места, объяснить их себе и, если возможно, положить на них нежную любящей рукой целебный бальзам.

На Западе принято выражать эту удивительную особенность русских писателей фразой «mystizme seave»<sup>37</sup>. Хотя это туманное и в устах европейца несколько, пожалуй, ироничное выражение само по себе ничего не выражает, тем не менее, в нем есть своя меткая точность. Именно этот «мистицизм» придает русской литературе позитивность и таинственную прелесть «поиска чего-то», что так озадачивает европейцев. Благодаря этому ни русские романтики, ни русские реалисты, ни даже

русские декаденты<sup>38</sup> не впадали в те крайности преувеличений, которых не смогли избежать даже самые передовые литературы.

По нашему мнению, этой своею стороною, то есть мистицизмом, русская литература обязана более глубокому родству русского народа с восточными народами, у которых мистицизм всегда является основным фоном духовного бытия (*прим. ред. – выделено нами*).

Совмещая в себе, так сказать, две души: «восточную» – мистическую, и «западную» – позитивистскую, русский человек всегда умел сохранить между ними гармонию, урегулировать порывы одной противодействием другой. Если русская литература велика по своей описательности, правдивости и художественности, то это благодаря Западу; если же она неподражаема по своей поэтичности и идеальности, то это уже благодаря Востоку.

Мистицизм – это не художественное описание предмета таким, каков он есть, а томление души от стремления проникнуть в сущность предмета, понять его; отсюда и тот характерный для русской литературы лиризм, который является результатом томления; отсюда и та безграничная, общечеловеческая любовь, исходящая из понимания и придающая русской литературе столько прелести, поэтичности, любви и симпатии.

Эти две характерные черты русской литературы составляют, так сказать, основную канву нового произведения Горького<sup>39</sup> «На дне». Об этой пьесе мой товарищ

по редакции, г. журналист<sup>40</sup>, давал уже подробный отчет. Я же хочу остановиться здесь лишь на одном из действующих лиц, а именно на татарине Асане.

Татарина Асана г. Горький и понял, и полюбил. Не знаю, изучал ли г. Горький специально татар и их мировоззрение, но он понял его лучше, чем сами татары-мусульмане понимают себя.

Татарин Асан, как известно, просто мелькает в пьесе и говорит всего несколько слов. Но у истинного художника молчание и мизансцена так же значительны, та же выразительны, как и речь.

Он двумя-тремя мастерскими штрихами и самым молчанием Асана так ярко, столь совершенно определил и раскрыл его, что, право, ничего не остается более добавить.

Как известно, в пьесе центральной фигурой является странник Лука, проповедующий жизнь во имя лучшего человека и веру в появление особенного человека. Иными словами, это значит жить для будущего, найти в этой жизни смирение, покой и уладу, верить в лучшее будущее. Почти все другие действующие лица протестуют против этих альтруистических начал, издеваются над стариком, считая важными лишь свои индивидуальные потребности. Один только татарин Асан понимает его, один он; он, собственно говоря, является в пьесе наглядным олицетворением не только его теории «жить для лучшего будущего, верить в это будущее», но и того душевно-физического покоя, который обеспечивает это мировоззрение.

**Татарин** (сидится на нарах и качает свою большую руку, как ребенок). «Старик хорош был... закон душе имел. Кто закон душа имеет – хорош! Кто закон терял – пропал.

**Барон.** Какой закон, князь?

**Татарин.** Такой... Разный... Знаешь, какой...

**Барон.** Дальше!

**Татарин.** Не обижай человека – вот закон!

**Сатин.** Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

**Барон.** И еще – «Устав о наказаниях, налагается мировыми судьями».

**Татарин.** Коран называет... Коран должен быть закон. Душа – должен быть Коран... да!

**Клещ** (пробуя гармонию). Шипит дьявол! А князь верно говорит... надо жить по закону... по Евангелию...

**Сатин.** Живи...

**Барон.** Попробуй...

**Татарин.** Магомет дал Коран, сказал: «Вот закон. Делайте, как написано тут!». Потом придёт время – Коран будет мало... время даст свой закон, новый. Всякое время дает свой закон...

В этих последних словах – вся теория ислама, все мировоззрение мусульман. Магомет сам таким же представляет себе пророчество. Для него пророками были те «передатчики факта», те мучимые правдой счастья люди, которые время от времени появлялись среди измученных, страдавших и потерявших покой человеческого бытия людей; которые воплощали в

себе современную совесть, современные стремления, сознание, потребности и которые выводили на путь к их осуществлению; со временем новый путь казался уже узким, более не совмещающим созревшее новое сознание былой потребностью, и тогда опять являлся лучший человек – словом, **весь мир, всё бытие вращается вокруг этого постоянного создания лучшего человека, лучшего закона, лучшего бытия.** Магомет завещал это мировоззрение через Коран своим последователям, глубоко верящим в приход лучшего человека, в наступление лучшего бытия, и эта вера придает им покой и мир даже в состоянии физических страданий.

Смотрите на Асана: у него разбиты руки от работы, он живет на нарах, в трущобе, он весь – само живое воплощение существующей социальной несправедливости, жизненного неустройства, но внутренне он все-таки покоен, сохраняет свою человечность и веру в будущее. Горький понял это и полюбил Асана.

## НЕСКОЛЬКО ИСКРЕННИХ СЛОВ В АДРЕС «ШЯРКИ-РУС»

В Тифлисе появилась газета на татарском языке «Шярки-Рус»<sup>41</sup> («Русский Восток»). Мы первые поприетствовали эту газету ещё в то время, когда было получено только разрешение на её издание, ибо мы больше и чаще всего твердили на страницах нашей газеты о жизненной необходимости подобного органа.

Татарская газета в наши дни стала насущной потребностью нашего края. Без неё теперь нельзя обходиться. Наши мусульмане бесповоротно выведены на путь общечеловеческой культуры, вносимой в наши края России, и уже давно был необходим печатный орган, который в руках мусульман, являясь выразителем их нужд и потребностей, служил бы в то же время проводником культурных ценностей в широкие и темные народные массы.

Выполняет ли «Шярки-Рус» свою основную задачу?

За несколько недель своего существования характер, направление и тон этой газеты вполне определились, и мы, к сожалению, не можем сказать, что «Шярки-Рус» уже достиг высоты своего призвания.

Тон его с этической и чисто практической стороны совершенно нежелательный, а направление таково, что неминуемо приведет к гибели газеты.

Интонационно газета делает основной упор на сенсацию и эффект. Увлекаясь успешным опытом наших и зарубежных уличных листков, «Шярки-Рус», очевидно, думает, что можно привлечь читателей сенсационными рубриками. Он, очевидно, забывает, что цель эта, хотя и низменная, достижима лишь там, где читателем является уличная толпа, и когда издатель преследует одни лишь коммерческие цели.

Татарская газета, вначале по необходимости обращаясь к ограниченному кругу читателей, большую часть к интеллигенции, и призванная сама формировать читательскую [аудиторию], должна строго придерживаться дидактического тона.

Первые читатели подобной газеты уже настолько интеллигентны, что не находят удовлетворения в скандалах, и настолько щепетильны, что скандальные рубрики внушают им одно только отвращение.

Например, все интеллигентные читатели «Шярки-Рус» не могли без недоумения спросить, почему газета с первого же номера обрушилась на Г.З.Тагиева<sup>42</sup>. Хотя во втором своем номере газета предупредила, что за Г.З.Тагиева заступятся его почитатели, однако столь осторожная предупредительность не помешала тому, чтобы все порядочные и искренне скорбящие мусульмане, не пугающиеся перспективы быть зачисленными в список сторонников Г.З.Тагиева, не возмутились

таким дебютом газеты. Возмущение это было тем более уместным, что за несколько дней до этого тот же «Шярки-Рус» в патетическом письме предлагал себя «в полное распоряжение того же Г.З.Тагиева, как просвещенного и благородно отзывчивого руководителя...».

Если «Шярки-Рус» действительно преследует просветительские цели, то не разрушает ли он сам себя, ругая человека, имя которого связано со всеми почти просветительскими учреждениями мусульман? Есть ли у нас в России второй подобный человек среди мусульман? Или, быть может, «Шярки-Рус» думает, что можно пренебречь мусульманским общественным мнением и, прикрываясь пустопорожними фразами, не считаться с этим сознанием?

Если это так, то газета вполне может разочароваться. Сознание наших мусульман так же глубоко, как у окружающих нас обществ, и оно по достоинству оценивает как своих передовых людей, так и [любителей] жонглировать трескучими фразами.

В этом ли просветительская роль печатного органа? В этом ли «введение начал западноевропейской цивилизации в мусульманскую среду?»

Теперь перейдем к направлению газеты.

Всё печатаемое в газете «Шярки-Рус» сводится к самовосхвалению и саморекламе. До сих пор [не было] ни одной хоть сколько-нибудь выдержанной исторической, научной, беллетристической или бытовой статьи. Фельетоны посвящены самому редактору и носят такие громкие названия, как «Азбука Мамед Аги»,<sup>43</sup> а статьи

почти исключительно оды или дифирамбы в адрес редактора. Это чистейший «Тегеранский листок»<sup>44</sup> со всеми свойственными ему чертами.

С одной стороны (и вы догадываетесь, с какой), всё обстоит благополучно, мы живем в наилучшем из наилучших миров; с другой, – оды и дифирамбы без конца, а с третьей (это самая курьёзная сторона), поношения мусульман за то, что они не подписываются на газету. Местами, для приправы, [раздаются] трескучие фразы и рассуждения о том, что нужно упростить язык, воспринимать культуру (сама эта проповедь об упрощении языка излагается языком самым топорным, чопорно-высокопарным, едва доступным для понимания даже мусульман средней грамотности).

Газета начала печататься частично буквами Мамед Аги. Не говоря об этической стороне дела, поскольку издатель не имеет права насильно предлагать читателю свое изобретение, с чисто практической стороны такой приём может погубить дело. Это все равно, что я бы объявил об [издании] газеты на русском языке и стал бы её печатать китайскими буквами.

Таков пока «Шярки-Рус». Он взял на себя слишком много: быть и улично-скандальным, и серьёзным; проповедующим просвещение и при этом ругать передовых людей, радеющих больше всего о просвещении; упростить язык, употребляя самый варварский стиль, и, наконец, писать для народа буквами, абсолютно недоступными для него.

Наш добрый искренний совет «Шярки-Рус»: оставить эти болезненные фантазии, бесполезные тенденции и неприемлемое тегеранское направление, а печататься на доступном массам языке и алфавите, освещать жизнь с бытовой стороны, знакомить народ с Западом, давать побольше популярных научных сведений и, наконец, содействовать, путем серьёзного историко-философского изучения Востока обновлению духовных начал в жизни и мировоззрении наших мусульман.

Всякая новая татарская газета должна быть созидательной; она должна обогащать ум, сердце и чувства мусульман/<...>Только при строгом соблюдении этой программы газета может преуспеть и сыграть свою культурно-просвещенческую роль.

## РЕДКИЙ ЮБИЛЕЙ

Редактор крымской татарской газеты «Тарджиман»<sup>45</sup> («Переводчик») Исмаил бек Гаспринский<sup>46</sup> собирается 4-го наступающего мая праздновать двадцатилетие своей публицистической деятельности. Если юбилей – это празднование торжества идеи, желания пережить в известный день период жизни, посвященный этой идее, если она сводится к ретроспективному взгляду назад, к обзору пути, пройденного в данной области, и к естественной потребности найти удовлетворение в этом обзоре прошлого, то никогда ни один юбиляр не был столь счастлив, как г. Гаспринский. Счастье его будут составлять не пышные овалы, не громкие аплодисменты, не народные ликования и не восторженные выражения признательности! Нет! В темной среде татар труженик пера не может рассчитывать на это, каковыми бы ни были его заслуги. Это не общество, празднующее юбилей своего польского Сенкевича<sup>47</sup>, и не французы, несущие на плечах Виктора Гюго!<sup>48</sup> Нет! Это темное татарское общество, не умеющее даже выражать свое чувство признательности!

Но заключается ли истинное счастье юбиляра в этой мишуре внешних излияний? Думается, что нет; думается, что истинное великое счастье всякого юбиляра, посвятившего свою жизнь той или другой идее, должно заключаться в сознании содеянного добра, во внутреннем удовлетворении от преодоленных трудностей, достигнутых результатов. И в этом отношении счастье г. Гаспринского великое, беспримерное. Оно тождественно с тем великим внутренним удовлетворением, которое испытывает пахарь, поселившийся в дикой, необитаемой стране и силою своего труда, воли и ума подготовивший окружающие поля к вспашке. Много, много ещё остается сделать, но тем не менее пахарь этот на закате лет, обозревая свои поля, может с гордостью сказать: «Вот что я сделал один! Я один расчистил эти поля от обитавших там гадов, змей, высушил болото, вырвал один за другим кусты; теперь уже есть где сеять. Кругом, конечно, много ещё гадов, болот, но дети мои уже не умрут от голода, и им остается только продолжить начатое, чтобы благодарная почва вознаградила их за мои и их труды».

Исмаил беку Гаспринскому пришлось быть и пионером, и продолжателем, и вершителем непривычного для татар печатного дела. Нужно быть татариним, жить в татарской среде, чтобы хоть приблизительно представить себе, с какими невероятными, почти непреодолимыми трудностями приходилось бороться г. Гаспринскому. В то время, когда начинал г. Гаспринский, среди татар не было людей не только знакомых с приемами

печатного слова, но даже и наборщиков. Гаспринскому приходилось быть и наборщиком, и печатником, и редактором, и почти единственным сотрудником своей газеты. Но внутренний священный огонь и беззаветная любовь к своему народу и к просвещению поддерживали его, приумножая его силы; он работал днём и ночью, работал умом и телом. Внешние технические препятствия были ничтожны в сравнении с внутренними, нравственными. Сколько нужно было приложить ума, энергии, ловкости, умения, осторожности, чтобы, создав газету, приохотить татар к ее чтению! Гаспринский, издавая газету, должен был в то же время заботиться о создании самих её читателей! Геркулесовское предприятие! Но беззаветная преданность делу преодолела все.

До г. Гаспринского окружавшая его татарская среда жила исключительно схоластикою. Она не имела ни интересов, ни забот дальше пустых, бессмысленных, никогда не разрешимых дебатов. Крутом кипела жизнь, грозя затопить эту свернувшуюся в комок пустой схоластики среду в своих пенящихся волнах. Но среда эта оставалась безучастною, довольной собою, довольной своим умственным убожеством, нравственной несостоятельностью. Как подступиться к ней, как призвать к жизни эту замерзшую на одной точке среду, как пролить на нее живительную струю лучей нового жизнетворного Солнца, солнца просвещения, науки, критической философии?! Приходилось пояснять каждое географическое название, всякое историческое имя, самые вульгарные научные термины! Газета должна была слу-

жить в одно и то же время и школою, и руководством, и жизнью!

Но все это ещё ничто в сравнении с тою осторожностью, с тем удручающим наблюдением за собой, которых должен был постоянно придерживаться редактор. Он должен был задумываться буквально над каждым словом, над каждой фразой, над каждой мыслью, взвешивая их и стремясь предвидеть все комментарии, которые они могут вызвать в устах недоброжелателей. Небо ничего не прощает Земле, и люди, живущие Небом, — его добровольные «охранители».

Поэтому ничто так не щепетильно, как схоластика, ничто так не придирчиво, как претенциозное невежество. В каждой букве они видят злостный намек, в каждом слого — преступный подрыв «священных основ». Живя посреди схоластики, вы должны вести себя как под надзором полиции: малейшая неосторожность — и вы погибли. Сколько нужно было осторожности, любви к делу, чтобы г. Гаспринский мог вести свою угловатую ладью посреди стольких подводных камней и счастливо причалить к берегу!

Но, увы, он должен был при всем этом бороться ещё и с другим, совершенно неожиданным для него препятствием! Он должен был, так сказать, держать постоянно при себе свой паспорт лояльности и выставлять его для свободного прохода [подальше] от наших «охранителей и столпов» печати. Эти последние не менее щепетильны, чем схоласты. Одно уже издание газеты на татарском языке казалось им «нарушением порядков», и



протоколы сыпались бесконечно. Такова уж судьба педерохов мусульман у нас в России. У своих, у мусульман, они слынут «подрывателями священных основ», а у «просвещенных оберегателей» — «нарушителями общественного покоя».

И с той, и с другой стороны сыплются обвинения. Как быть, что делать?! Труссы, беспринципные люди, идущие по пути только рекламы или «выгодного дела», прекрасно себя чувствуют в таких условиях и стараются эксплуатировать обе стороны, лestia одной и обманывая другую. Конечно, они ничего не дадут, ничего не создадут, ибо они [суть] отрицательное явление, а плохая почва не может произвести что-либо жизнеспособное.

Только при необычайной силе воли, неизмеримой любви к делу, беззаветной преданности своему народу и просвещению можно в таких условиях оставаться самим собой, сохранить равновесие.

Таким и был всю свою жизнь г. Гаспринский. Просвещать мусульман, призывать их к разумной культурной жизни и через это ввести в лоно общечеловеческой семьи — вот задача, которой он служил неизменно в течение двадцати лет. Нравственные силы, воодушевлявшие его, дававшие ему силы и терпение, мало-помалу переходили к татарам и послужили той благодатной почвой, на которой мы теперь можем обозревать первые всходы.

Г. Гаспринский с гордостью и внутренним самоудовлетворением может теперь смотреть на эти всходы. Он может, не обманывая себя, сказать: «Я сделал столько,

сколько редко кому удается сделать; благодарю тебя, Судьба!».

Татары же, те, которых он призывает в течение 20-ти лет к свету, исполненные чувства бесконечной признательности своему учителю, могут только молить Бога, чтобы он даровал ему ещё на много лет здоровья и сил для продолжения святого дела.

## ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГЕ (ПО ПОВОДУ ДВУХСОТЛЕТИЯ)

В Петербурге я был два раза. Первый раз в 1888 году, в качестве юноши, претендовавшего на звание студента. Я ездил туда с тем же чувством благоговения, с каким глубоко верующие люди едут на поклонение святыне. В моем воспаленном воображении восторженного девятнадцатилетнего юноши город Петра представлялся феерическим чёртом, где люди и вещи должны были быть какими-то особенными, неземными, непостижимыми.

По всей русской истории с именем столицы были связаны мои воспоминания о Петре<sup>49</sup>, о его знаменитом «окне в Европу», об Академии Наук, об университете, о высших учебных заведениях. И воображал я, что еду в страну, где живут одни только мудрецы, поэты, ученые, живущие вопросами «вечной истины». В моей восточной фантазии, экальгированной необычайной любовью к наукам, я изображал себе Петербург в виде огромного «дома факиров», вечно склоненных над книгою «неразгаданных тайн». Я живо помню, с каким чувством внутреннего самодовольства, сознания своего

превосходства я прощался со своими родными, провожавшими меня в этот город. Я не сожалел, что оставляю их, и только чувствовал досаду, что эти близкие мне люди не могут попасть в столь почтенную и высокую среду, куда ехал я.

О, где ты, счастливая, единственно радостная пора, когда я еще так беспредельно верил в людей и в то, что они называют «истиной»?!

Занятый этими внутренними, созданными мною же фантазмагориями, я прозевал всю дорогу. Ни железные дороги, ни Тифлис, ни величие Военно-Грузинской дороги, ни даже Москва не заинтересовали меня, не удостоились моего внимания. Я жил Петербургом и только Петербургом, и стремился к нему со всем пылом юношеской фантазии. Вот и Николаевский вокзал. Я трепетал, сердце мое билось, как сердце влюбленного в день своего первого свидания с возлюбленной. С каким чувством благоговения я вступал на «священную почву»!

Я остановился у родственника на Владимирской ул. №10.

Осмотр города, начавшийся в тот же день, еще больше взбудоражил мое воображение.

Посмотрите! Какое расстояние от Шуши до Петербурга! Я ходил по очаровательному Невскому и по обоим Морским проспектам (*прим. ред. – имеются в виду Большой Морской и Малый Морской проспекты*), воображал, что попал в один из заколдованных замков «Тысяча и одной ночи»<sup>50</sup>. Дворцы, дома, ярко освещенные магазины, тысячи огней и эта нескончаемая голо-

вокружительная сутолока столичного города окончательно ошеломили меня, никогда ранее не выезжавшего из Шуши!

«Но где же мудрецы?» – невольно спросил я самого себя, возвращаясь домой. Вопрос этот сразу озадачил меня. Моя восточная фантазия, представлявшая себе Петербург в виде обширного монастыря, а его обитателей в образе факиров, склонившихся над книгою «вечных тайн», стала рассеиваться. Я стал чувствовать какую-то непонятную для себя досаду и неловкость. Но склонный по природе к абстракциям, я отгонял от себя эту наступавшую действительность, предпочитая жить в созданном мною мире. К счастью, на другой же день мой родственник повел меня в Публичную библиотеку<sup>51</sup>, и с тех пор весь Петербург сосредоточился для меня в этом чудном храме. Я нашел обитель факиров и дальше ничего не видел и видеть не хотел. Здесь я чувствовал себя хорошо, а на окружающую жизнь смотрел как на нечто чуждое, далекое, не имевшее ничего общего с «моим» Петербургом.

В таком очаровании я пробыл до наступления экзаменов. Наконец, наступили и они. Я до сих пор живо помню, с каким трепетным восторгом я шел на первый экзамен в Технологический институт<sup>52</sup>. Обширное здание казалось мне святилищем. Я готов был целовать его пороги, обнимать его столбы. Каждая ступень, каждый коридор носили отпечаток святости, неприкосновенности, вызывали во мне ряд набожных чувств.

Войдя в аудиторию, я думал, что вхожу в священную ограду. Экзальтация моя доходила до состояния человека, готовившегося принять мистическое посвящение.

Я жил где-то вне земли, не помня ни себя, ни окружающих. «Профессора!» – вдруг раздалось, как далекое эхо, в моих ушах и я, весь полбдевав, встрепенулся. Я устремил свой взгляд на двери и думал, что они откроют предо мной сейчас всю тайну бытия, весь смысл жизни. «Профессор!» Сколько магической силы, сколько сокровенного смысла, сколько непостижимых тайн было для меня тогда в этом слове! Это факир факиров, носитель науки, священнослужитель истины, неземной обитатель, возвещающий миру вечные слова правды. Мое сердце билось так учащенно, что я думал, потеряю сознание.

Они вошли! О, какое счастье, какая благодать, дышать с ними одним воздухом! Теперь я отдавался своему счастью безгранично и пожирал профессоров глазами. Я так забылся, что не услышал свою фамилию, когда меня вызвали, и только сидевшие рядом сообщили мне об этом. С каким волнением, с каким замиранием сердца я подошел к почтенному плотному мужчине с длинною густою бородою, ниспадавшею волнами на его грудь! Вспоминая теперь об этих минутах, поражаюсь, как я, в столь возбужденном, почти бессознательном состоянии, смог выдержать экзамен по тригонометрии. Мои товарищи уже поздравляли меня с поступлением, ибо тригонометрия была «моим» предметом, и товарищи знали, как я силен в ней. Но, видно, уже в Книге Судеб

было отмечено, что именно эта наука послужит причиной величайшего удара, полученного мной когда-либо в жизни, и перемен в моём отношении ко всем факирам и к Петербургу. Меня экзаменовал по тригонометрии какой-то молодой профессор, кажется, приват-доцент.

Он был в мундире, что резко выделяло его из круга остальных сотоварищей. Это обстоятельство в совокупности с его неприветливо глядевшими глазами смутило меня, робкого по природе. Заданную задачу я решил моментально, но при этом позволил себе пользоваться для упрощения формулой, не входившею в курс среднего учебного заведения.

– Откуда вы взяли эту формулу? – обратился ко мне экзаменатор грубым начальственным тоном.

– Не помню.

– Выведите ее.

– Не могу.

– Ах, не можете, вы пользуетесь формулой, которую не можете вывести. Тогда вы получите «три».

У меня в глазах потемнело, голова закружилась, как будто кто-то обухом ударил меня по ней. С удивительной быстротой вырисовалась передо мной картина моего непоступления, горя и отчаяния моих родителей от этого известия, унижения пред товарищами, разрушения всего моего «фантастического мира». Забыв о стыде, самолюбии и достоинстве, я стал плакать, плакать навзрыд, на всю аудиторию, и умолять экзаменатора задать мне еще вопросы. Но он оказался неумолимым

и сухо, бессердечно отвечал мне сквозь зубы: «Не могу, уходите!»

Я вышел, вышел разбитый, униженный, пристыженный, с раздавленным сердцем, горячей головой, щемящей грудью. Придя домой, я упал навзничь на постель и еще долго, долго плакал, пока не выплакал все свое горе. Пережив эти минуты, я понял, что бывают моменты, когда люди могут наложить на себя руки. На другой же день я оставил Петербург и выехал в Париж. Но с тех пор, вплоть до моего последнего посещения Петербурга в 1900 году, город этот в моей памяти был связан с двумя понятиями: чиновник-профессор и синус-косинус. В последнее свое посещение я проверил эти понятия и удивился тому, что заметил их отображение на всем Петербурге. Но об этом в следующий раз.

## РАБЫ ШАБЛОНА

Недавно в одной из местных газет было помещено характерное письмо учителя Сулейман бека Ахундова<sup>53</sup>. В письме г. Ахундов рассказывал о возмутительном случае, произошедшем с ним на Бакинской станции железной дороги.

Ахундов провожал свою семью, ехавшую в Шушу. Заручившись билетом 2-го класса, он после первого звонка стал вместе со своими подходить к дамскому отделению.

– Куда лезешь? – грубо спросил его кондуктор с бляхой №33.

– В дамское отделение.

– Для кого это?

– Для этих дам – и г. Ахундов указал на татарок под чадрую.

– Какие же они дамы? Это просто...

И кондуктор стал называть эпитеты, которые неудобно повторять. Возмущенный Ахундов должен был обратиться к «начальству и просить жандарма составить протокол».

«Если так поступают с человеком в учительском мундире, то как же обращаются железнодорожные служащие с простыми татарами?», – заканчивает свое письмо г. Ахундов.

С «простыми татарами», с теми, кто не знает даже, что такие протоколы существуют и как предъявлять свои права, конечно, поступают ещё хуже; их «дам» просто выталкивают из вагонов. Неизвестно, что случилось с самим протоколом «русского чиновника в русском учительском мундире»: да и не было ли это одной из тех лишних трат времени, чернил и бумаги, что нередко делается у нас на Руси?

Но для меня не это важно, для меня важен сам факт.

Он характерен для всех нас, для всей России. Жизнь мощно толкает нас вперёд, мы желаем сесть в вагон, но тут нам загораживает дорогу «бляха» и грозно приказывает остановиться. Он приказывает наперекор всем законам, всем признанным за нами правам, ибо нигде в законах не сказано, что татарка не может быть дамою, и что приобретенный билет теряет свою силу в зависимости от личности приобретателя.

«Бляха», очевидно, переводит французское слово «dame» по своему; очевидно, что будь эти татарки в шляхах *au pluwage de polie*<sup>54</sup>, в лифе с воланами, в юбках с хвостами, он признал бы их дамами, почтительно поклонился бы и самолично отворил бы дверцы «отделения», но татарки были в чадрах – что, к их личному несчастью, лишило их в глазах «бляхи №33» звания дамы.

Преклоняюсь пред этой святой, недостижимой, неприкосновенной «бляхой №33». Она, освященная многими веками, давит всю Россию, можно сказать, руководит нами от берегов Ледовитого океана до пустынь Восточного Туркестана. Это общий, всем известный, самобытный российский шаблон!

Мы все, почти без исключения, [в той или иной степени], «бляхи №33». Изобретателем этого шаблона и величайшим из всех российских шаблонистов был Пётр Великий. В воображении этого гениального реформатора европейская культура представлялась не иначе, как в известных аксессуарах, атрибутах, без которых не могло быть самой культуры.

Для него между этой культурой и русской длинной бородой, широкими полами одежды и русской печью была какая-то враждебная несовместимость; и вот он изобрел ножницы, парики, реверансы, трубные ассамблейные звуки, табель о рангах.

С тех пор в самой Европе парики и реверансы вышли из моды, но у нас табель о рангах и трубные ассамблейные звуки стали неотъемлемыми атрибутами жизни. Все мы Петровские «рангисты», «шаблонисты», наши западники и славянофилы, наши либералы и консерваторы, наши народники и марксисты, наши учителя, доктора, адвокаты, ученые, газетчики, за редким исключением, те же «бляхи №33».

Поговорите с каждым из них в отдельности, и вы удивитесь исключительности их идей, нетерпимости их взглядов. Каждый из них определил жизнь по-свое-

му, измерил «культуру», собственную деятельность по известному масштабу и не признаёт других определенных и других масштабов за пределами этих!

Душа наша, воспитанная на табели о рангах, особенно склонна к старому порядку, не терпит красок, не выносит цветов, индивидуальности в идеях, оригинальности во взглядах – всего того, что стоит «по ту сторону» нашего шаблона. Оттого-то мы и в жизни столь фанатично нетерпимы, исключительны, не способны воздавать должное нашим противникам. «Бляха №33» готова головою биться об стенку, утверждая, что татарка не может быть дамой. В блеске этой бляхи отражаемся все мы, серые, но добрые россияне.

## РАСКОЛЬНИКОВЫ И КЯРАМЫ

Это факт, что Кавказ и по сей день остается terra incognita<sup>55</sup> для внутренней России, факт прискорбный и неутешительный. Воображению столиц он представляется в том же фантастически-сказочном образе, как воображению Пушкина<sup>56</sup> и Лермонтова. Это все тот же «гибельный край» с его мощно-грандиозной природой, который неотразимо привлекал и поглощал романтически настроенную молодежь середины прошлого столетия. Столицы, продолжая жить по инерции воображения под впечатлением волшебных картин Лермонтова и Пушкина, добровольно игнорируют весь тот длинный путь духовного и нравственного общения с Россией, который мы прошли в течение целого столетия. Для них наши горы продолжают ютить одних абреков<sup>57</sup>, живущих над дикими обрывами, в городах все те же сакли, слепленные на какой-нибудь крутизне, а мы сами, вооруженные с ног до головы, только и делаем, что рыщем по дремучим лесам в поисках кровопродития.

Отсюда и рассуждения столичной прессы вкось и вкривь про Кавказ, поражающие своей ненавистью и

тою бесцеремонностью, которая всегда сопутствует невежеству. Если какой-нибудь иностранец или даже русский, не побывавший на Кавказе, вздумал составить себе понятие о нем по столичным газетам, то он невольно вообразил бы себе, что Кавказ – не что иное, как огромное разбойничье гнездо, а мы, кавказцы, кроме разбоя, не знаем никакого другого «гражданского ремесла»!

Mersi pour Phonneur!<sup>58</sup>

А между тем путь, пройденный в смысле культурного подъема, поистине длинен, и я не постесняюсь даже сказать, что он велик. Индия была покорена раньше нас, Алжир почти одновременно, – и невзирая даже на то, что есть хотя бы небольшая разница между культурой вообще в Англии, Франции и России и что индусы и алжирцы, в смысле пользования высшею в мире культурою, пользуются несравненно более широкими путями, – невзирая на все это, **мы, кавказцы, далеко опередили и Алжир, и Индию, и ни одна из этих стран, в смысле культурности, не может сравниться с нами** (прим. ред. – выделено нами). Да и не опередили ли мы даже многие области самой внутренней России: ее Востока, Севера и Юга?

Легендарные сакли превратились в пышные города, где гудят фабрики и заводы, где десятки тысяч детей ежедневно приобщаются к мировой культуре в сотнях школ!

Горные тропинки начинают превращаться в железные дороги, самые бойкие и доходные в России! По-

томки бывших абреков предались культивации земли, мирно пасут стада, а многие даже вносят свою лепту в общегосударственную жизнь, посвятив себя службе, научным профессиям, общественной деятельности. Все те крохи истинно благотворных учреждений, которыми наделили нас, вроде, например, судебных реформ и городского самоуправления, хотя бы и в урезанном виде, функционируют у нас, если не лучше, то, во всяком случае, и не хуже, чем внутри России.

Конечно, вся заслуга наделения нас ими принадлежит России. Кавказ навеки будет благодарен ей за них. Но с другой стороны, **надо признать, что и кавказцы проявили необычайную восприимчивость к культурной жизни, немало содействовали ее интенсивному развитию своим талантом и капиталами** (прим. ред. – выделено нами). Посмотрите кругом, все эти крупные культурные предприятия, как в городах, так и по всей стране, содействующие благоустройству городов, поднятию материального благоденствия страны, не покоятся ли главным образом на энергии и капиталах местного населения? А этот дух благотворительности, с такой щедростью идущий навстречу нуждам народных масс в школах и богоугодных учреждениях, не является ли он поистине паразитическим? В этом отношении сделано у нас гораздо больше, чем сделали все индусы Индии и арабы Алжира вместе взятые.

И если дальнейшее, более тесное общение нашего края с культурной жизнью внутри России не идет с желаемой скоростью, – виноваты ли в этом сами кавказ-

цы? Не они ли умоляют уже с давних пор о земских учреждениях, об университетах, о высших технических школах, о мелком кредите?

Быстрое продвижение нашей жизни по пути культурного развития давно поставило эти вопросы, и давно уже кавказцы указывают на необходимость удовлетворения этих назревших потребностей; виноваты ли они, что их не слушают и что оставшиеся неудовлетворенными потребности дают о себе знать нежелательными спорадическими явлениями? Красиво ли, добросовестно ли со стороны прессы игнорировать все эти факты нашей культурной жизни, посвящать свои задворки освещению одних лишь отрицательных явлений вроде разбоев? Да не является ли уже эта «разбойничья» легенда о Кавказе отжившим мифом? Исходя из цифр о преступности внутри России и из классификации преступлений, [отраженных] на страницах «Каспия», внутренняя Россия стоит, пожалуй, еще выше, как дающая наибольший процент преступлений, так называемых порочно-злонамеренных и массовых.

Собственно говоря, внутренняя Россия так же богата и обильна своими Раскольниковыми<sup>59</sup>, как и Кавказ своими Кярамами<sup>60</sup>. Вся разница только в имени, в психическом складе.

В то время как Раскольниковы действуют по холодному расчету, зная наперед, что делают, и даже наперед подготавливая те научные и бытовые основания, которыми они станут оправдывать себя, Кярамы действуют



по первому импульсу, почти механически, не зная зачашую, зачем они это делают.

Раскольников – артист, любящий свое ремесло, со-размеряющий все части своего «этюда», находящий известное удовольствие в его выполнении. Кярамы же – дилетанты, действующие по минутному явлению (*прим. ред. – читай «импульсу»*); первые порочны по натуре, а вторые – по обстоятельствам. Эти психологические особенности обоих преступных типов вполне определяют как мотивы преступления, так и их приемы. В то время, как Раскольниковы действуют из-за материальной выгоды, зачастую очень ничтожной, Кярамы действуют почти всегда по нравственным импульсам, из чувства мести, по своеобразным понятиям о чести, грабеж же у них является лишь аксессуаром, побочным мотивом.

Раскольники упиваются кровью, наслаждаются пытками своих жертв, для этого употребляют такие мучительные орудия, как топор, кирка, тупой кухонный нож. Кярамы же действуют лишь по импульсу, не чувствуют сладострастия от процесса убийства, а потому пускают в ход лишь быстродействующие орудия, вроде остро наточенного кинжала, пули. Кроме того, Раскольники живут среди нас, при нас и с нами, и никто не гарантирован от них, а между тем Кярамы добровольно ставят себя вне общества, как бы предостерегают его. По числу же своему Раскольниковых несравненно больше, чем Кярамов. Не проходит ни одного дня, чтобы газеты внутренней России не приносили известий об ужасных поступках того или другого Раскольникова.

Спрашивается теперь: который из этих двух преступных типов более опасен, более вреден? От кого общество должно было бы наиболее заботливо оградить себя? Неужели потому лишь, что внутри России появляются там и сям Раскольниковы, можно писать, что кроме Раскольниковых, там нет никого. Но, вникая в природу как Раскольниковых, так и Кярамов, изучая их души, сердца, социальное положение и экономические условия, неминуемо должно признать, что это далеко не неисправимые люди и что они преступники поневоле.

В природе нет преступлений и нет преступного типа. Оба они ненормальные явления, последствия вырождения ума, сердца, чувств, или удручающих экономических условий. Доставьте всем людям здоровую пищу для ума, сердца и желудка, и особенно для этого последнего, и не будет ни преступлений, ни преступников.

Таким образом, в конце концов, вопрос как о разбойниках Кавказа, так и о преступниках внутри России сводится к довольно-таки вульгарному вопросу о кормлении: сытости головы и желудка. Хорошая школа и материальная обеспеченность – вот средства, подсылаемые и здравым рассудком, и человеколюбием против разбойников и преступников.

Но, невзирая на всю очевидную неизбежность такого вывода, «Новое время», обращавшее почему-то за последнее время особенное внимание на «разбойников» Кавказа, предлагает для искоренения разбоев у нас другую оригинальную и неожиданную меру: ввести воинскую повинность среди мусульман Кавказа. Что

общего имеет воинская повинность с разбоем, мы не понимаем. Да, впрочем, этот орган печати не особенно церемонится с логикой, а потому подобные вопросы для него совершенно праздно. Конечно, мусульмане, как и все жители России, должны нести и отбыть общую государственную повинность: они сами первыми оскорбляются представленною им привилегиею, не понимая, чем они заслужили ее. Но еще более оскорбительно для них, когда связывают эту повинность с вопросом о разбойниках. Такою дерзостью мог позволить себе только орган г. Суворина<sup>61</sup>. Связывая вопрос о воинской повинности среди мусульман с вопросом о разбойниках, он не потрудился даже сообразить – одни ли мусульмане занимаются разбоем на Кавказе? Искоренила ли воинская повинность разбойничество среди тех христианских народностей Кавказа, которые не менее мусульман занимаются разбоем и которые уже давно отбывают воинскую повинность?

Но оригинальность предлагаемой органом г. Суворина меры заключается не в одном этом. Он думает, что, набрав из разбойников солдат, можно сформировать отличных защитников Отечества!

Хороша же армия, состоящая из людей, которых само же «Новое время»<sup>62</sup> величает «негодями» и «разбойниками». Отчего же в таком случае не пополнить всю нашу армию бесчисленными преступниками, томящимися напрасно в тюрьмах и в Сибири?

Ведь от этого выиграла бы также и казна.

Вот до какого абсурда договариваются наши зарвавшиеся «спасители».

## ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Вторая половина XVIII столетия для мусульманства – это начало его падения.

Но этой эпохе предшествуют два резко противоположных друг другу периода: период застоя (XVII-XVIII столетия) и период брожения внутренних и внешних сил (от VII до XVI столетия). В этом последнем периоде, длившемся девять столетий, три народа – арабы, персы и тюрко-татары – служат попеременно оплотом ислама. Первый из них – от зарождения ислама до второй половины VIII столетия, второй – от VIII до XII столетия, а третий – начиная с XIII столетия...

В общем же, вплоть до периода застоя, внешние силы ислама идут crescendo<sup>63</sup>. Если по ходу времени они теряют Испанию, то взамен ее они приобретают огромные пространства земли на другом конце Европы, со столицей Восточной империи, Константинополем во главе. И это благодаря только тюрко-татарам. Получив в наследство в XIII столетии уже начинавший было расшатываться и расплываться в руках изнежен-

ных и изношенных рас (прим. ред. – читай «дряхлах народов») – арабов и персов – мусульманский мир, этот налитый свежей силой и крепкий народ сумел оздоровить его вновь и не только уберечь от распада, но и далеко расширить его пределы. Так что, подводя конечные итоги и сравнивая ислам XVII столетия с исламом времен арабов при Уммидах<sup>64</sup>, или с исламом времен персов при Аббасидах<sup>65</sup>, беспристрастный историк должен признать, что тюрко-татары не только удержали полученное наследие, но еще далеко расширили и обогатили его.

С уверенностью можно сказать, что не будь тюрко-татар, не было бы теперь и ислама в его настоящем виде: он превратился бы в одно из тех учений, которые идут на убыль. Если ислам выдержал такие испытания, как крестовые походы<sup>66</sup>, если он окончательно не исчез в период усиленных колониальных завоеваний, сопровождавшихся энергичною религиозною пропагандою, то это опять-таки благодаря тюрко-татарам. Горсть представителей этой расы, сельджуки<sup>67</sup>, давали отпор в продолжение веков всей объединенной Европе.

Герои крестовых походов, вроде Саладина (Салахаддина)<sup>68</sup> – друга и одновременно противника Ричарда Львиное Сердце<sup>69</sup>, легендарного как на Западе, так и на Востоке, принадлежали все тому же племени сельджукидов. Их заменили оттоманы<sup>70</sup>, другая ветвь тюрко-татарского племени, и, невзирая на всю ничтожность в численном отношении, [они] проявили не меньшую жизнеспособность. Впрочем, с XIV столетия и по на-

стоящий день тюрко-татары стали господствующим народом во всем огромном мусульманском мире, от Константинополя до Индии и Китая, от Восточного Туркестана до Африканского Триполи.

Все царствующие династии, независимые или зависимые княжеские роды, поземельный класс, выдающиеся политические или военные деятели в Индии, Персии, Туркестане, Закаспийской области, Турции, Египте и других странах – тюрко-татары. В длинной борьбе с Западом, завязавшейся в эпоху первых крестовых походов и продолжающейся по сей день, тюрко-татары более или менее отстаивали мусульманский мир, оберегали его от окончательного распада. Но тем не менее народ этот еще не жил. Родственный китайцам и японцам, он был чужд их цивилизации и, выступив в истории впервые в XII столетии<sup>71</sup>, он, в сравнении с европейскими народами, вступает лишь теперь в свои средние века и вся жизнь для него – в будущем. Населяя громадное сплошное пространство – от берегов Эгейского и Средиземного морей вплоть до Китая, – племя это при своей этнографической, религиозной и лингвистической неразрывности предвещает стать в будущем одним из главных элементов жизни на старом континенте. Основания для такого предположения дают наблюдаемые всюду и подтверждаемые всеми редкие психические и физические качества этого племени. Редкие качества души – правдивость, честность, простота, скромность, умеренность, мужество, храбрость – связаны у них с редкими качествами тела – крепостью,

выносливостью, чистотой и красотой расы. И если это племя не проявило до сих пор себя в умственном и научном отношении, то это легко объясняется многими серьезными и непреодолимыми причинами.

На первое место между этими последними нужно поставить, конечно, общее умственное состояние Азии, где этот народ главным образом сосредоточен. Этот континент сам по себе не представляет [собой] особенно широкого поля для умственных занятий. Но, невзирая на всю скудность научных запасов, на всю ничтожность импульсов к какому-либо занятию, тюрко-татары с первых же дней своего появления в истории проявляют склонность к ним. Жена Гаруна-Аль-Рашида<sup>72</sup>, турчанка Зубейда<sup>73</sup>, обессмертила себя покровительством ученым и литераторам. Внук Чингиза<sup>74</sup>, Хулаку<sup>75</sup>, язычник, окружает себя мусульманскими учеными, и поныне модный среди мусульман календарь носит его имя; его любимцу и министру Насиру-Туси<sup>76</sup> Азия обязана своей первой обсерваторией, основанной им на рациональных началах в соседнем персидском городке Мараве, первым точным измерением эклиптики Солнца, улучшением логарифмов Птолемея<sup>77</sup>. Немного позднее дикий и ужасный Тамерлан<sup>78</sup>, тоже язычник, истребляя и уничтожая всё на своем пути, воздвигая пирамиды из голов, щадит лишь одних: ученых, литераторов, а также только памятники искусства, науки и литературы...

На втором месте между причинами, мешавшими татарам широко предаваться мирным занятиям и преумножать наследие арабско-персидской цивилизации,

нужно рассматривать время их появления в истории. Впервые они появляются в Западной Азии в XII веке, а основное ядро племени принимает ислам лишь при Казан-хане<sup>79</sup> – в XIV столетии. К этому времени ислам был уже в полном разгаре декадентства (*прим. ред. – читай «упадка»*), в силу других, совершенно чуждых, не зависящих от тюрко-татар внутренних причин. Падение растления разъедало уже все. Порча религии, порча нравов, порча верховной власти, порча общества шли в полную силу.

Рационалистическо-научное движение, столь мощно выдвинувшее мусульман, уже давно уклонилось в мистицизм, в теософию и в те чудовищные порождения ума и сердца, которые характеризуют эпоху декадентства всех цивилизованных народов. Здесь произошло буквально то же, что на западе Римской империи, когда вырождающаяся знать, уступив натиску германских диких, стала учителями своих новых господ. [Варвары] получали религию и другую пищу для ума и сердца от своих покоренных учителей в том испорченном, обезображенном виде, который эпоха дегенерации успела придать им. Они еще больше портили их, фильтруя через решето своей дикой необузданной природы. Западу нужно было 15 веков, чтобы освободиться от тяготения этого декадентства и чтобы восстановить истинную религию и истинную цивилизацию в их подлинном виде! Тюрко-татары же переживают свой шестой век! Кроме того, Запад, получив сильный внешний толчок еще 12 веков тому назад от арабов, имел, так сказать, и досуг,

и время поработать над собою, тогда как тюрко-татары были поставлены в совершенно иные условия.

И тут выступает последняя и самая главная причина, помешавшая им предаваться внутреннему совершенству. Они постоянно находились в положении отбивающихся. Посмотрите на современную Турцию: имеет ли она хоть два года времени, свободного от внешних осложнений, чтобы заняться внутренними вопросами? Бесперывно, со времени своего появления в истории, тюрко-татары были точно в таком же положении. Они постоянно должны были быть готовыми к войне, отбиваться со всех сторон. Со всех сторон притесняли их и их религию – ислам, и ежеминутно они должны были думать как о себе, так и о спасении ислама. Но, спасая внешне ислам, увеличивая даже внешне его территориальные достояния, они забывали две вещи, которые впоследствии роковым образом должны были отозваться на них же: с одной стороны, постепенный умственно-нравственный прогресс Запада, а с другой, не прекращающиеся действия растлевающих сил внутри самого ислама.

Постоянно [пребывая] на войне, они, заслоненные дымом пороха или сетью забрала, проглядели и эпоху Возрождения наук и искусств на Западе, и величайшую в мире, преобразившую весь Старый Свет Французскую революцию<sup>80</sup>, и даже первую половину XIX столетия со всеми его открытиями, изобретениями, сводившими к нулю даже то, в чем тюрко-татары находили до сих пор спасение – личную храбрость.

У себя же дома, среди самих же мусульман, упадок религии, нравов, разрушение основ всякого стойкого общества шло crescendo, не прекращаясь, а усиливаясь с каждым днем. Секты, одна другой причудливей, одна другой безобразней; учения, самые бессмысленные, самые пагубные в нравственном смысле; направления, шедшие вразрез с самою природою, раздирали ислам, терзали его сердце. Честолюбцы то здесь, то там увлекали за собою толпу, сея среди нее братоубийственную ненависть и раздор самыми бессмысленными учениями; дервиши и бутафоры делались героями базаров и площадей; тупой фанатизм становился вершителем идей и вкусов; лицемерие, ложное ханжество становилось общим достоянием.

Все образовательные центры, научные очаги, все эти мектеби и медресе (*прим. ред. – начальная и средняя школы в мусульманских странах*), даруль-финуны<sup>81</sup> (*прим. ред. – высшее учебное заведение*), библиотеки и ученые общества... сравнены с землей, исчезают, а на их местах воздвигаются разные кофейни, дервишхане (*прим. ред. – место сбора и ночлега дервишей*), в которых гашиш, опиум, разврат – с одной стороны, сухая, бестолковая схоластика – с другой, проедают тело и душу, подрывают самые основы общества, лишая его постепенно здоровья и ума, сердца и чувств. Ислам подходит на огромное картонное здание, блестящее снаружи, но пустое, загрязненное внутри, которое неминуемо должно было рушиться при первом же толчке. И этот толчок не заставил себя ждать.

Наступает вторая половина XVIII столетия и вместе с нею и начало роковой судьбы мусульманского мира. Грохот падения раздастся с одного конца обширного района до другого. Везде стоны, везде крики отчаяния, везде разрушение. Вздурораженный, ошеломленный словно страшным катаклизмом мир отчаянно бросается из стороны в сторону, напрасно ища выход и спасение. Везде дороги загорожены, везде одни руины, одна гибель. Тогда он обращается к самому себе, начинается взаимное обвинение, что [становится последней каплей] и подводит к всеобщей гибели. Я никогда не забуду выразительного описания этого процесса со стороны одного из удивительнейших по таланту и энергии людей нашего времени Сеид Джамал-Эддина<sup>81</sup>, бывшего редактора-издателя [выходящего] в Париже «Урватуль-вуска»<sup>82</sup>, о современном положении ислама.

«Он мне представляется, – говорил Джамал-Эддин, – в виде огромного тела, коего голова покоится в Константинополе, руки протянуты одна к северу Африки, другая через Крым и Оренбург к Китаю, а ноги идут вдоль всей Западной Азии, но на котором нет ни одного не искалеченного, не изуродованного органа. Истекая кровью, едва живой, на что, однако, употребляет он свой железный вздох? На то, кто прав: Амир или Зейд, чья теология лучше: Амра<sup>83</sup> или Зейда<sup>84</sup>? Лишь на последнем вздохе, когда он испустит дух, то поймет, что умер от этого спора!...».

## ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ. ПРОГРЕССИСТЫ ИЛИ МЛАДОТУРКИ

Прошлый раз мы закончили наш пятничный фельетон указанием на факт, что мусульманский мир, потрясенный и ошеломленный натиском Европы, стал искать причины своих бед и что этот самоанализ привел к двум заключениям. Одни стали думать, что все исходит от крайней отсталости всех мусульман в целом, от негодности устоев в условиях жизненной борьбы, что для устранения этих бед необходимо переустроить весь жизненный уклад и скопировать все с Европы. С экзальтированной верой в целительную силу европейских учреждений они проповедовали безоглядное насаждение этих учреждений.

Другие, наоборот, стали думать, что все беды мусульман исходят исключительно от того, что они стали отступать от старины, что [подверглись] порче нравов, ослаблению стародавних традиций, распушенности и вольнодумству. Отсюда они заключали, что для спасения жизни нужен возврат к этой старине, которая сама по себе, словно своей магической силой спасет их единовременно.

Как видит читатель, между этими двумя течениями существует полнейший антагонизм не только в умозаключениях, но и в самых точках отсчета. Этот антагонизм вселил в них непримиримую вражду, перешедшую даже в частную жизнь.

Но они имеют одну общую точку соприкосновения: более удобные и доступные пути сообщения и торгово-политических связей между Европой и Востоком; блеск цивилизации первой не мог не привлечь к себе молодых людей Востока, жаждавших новизны и карьеры. Кроме того, сама по себе взбудораженная жизнь Востока предьявляла потребность в людях, знающих европейские языки, законы и порядки Европы; в системе государственного управления и торговли одинаково стали нуждаться в таких людях. В связи с этим с XIX столетия начался наплыв молодых людей Востока в Европу. Здесь их взору представлялась картина жизни, не имевшая ничего общего с родной средой. Великолепная, грандиозная, она не могла не завладеть ими окончательно, не ослепить их, не довести их до состояния экзальтированного гипноза.

Великолепие городов, свобода и радость веселой и шумной жизни, относительное благоденствие масс, удивительнейшая гармония правопорядка посреди кажущегося хаоса, ободряющее чувство достоинства, покоящееся на сознании обеспеченности личности, тысячи школ, разливающих ежедневно снопы света в самые темные закоулки народных масс – все это освещено и разукрашено ослепительнейшими открытия-

ми и изобретениями науки, бесподобными творениями искусств! В голове обитателя Востока, с его легко возбуждающимся воображением, эта картина не могла не вызывать мысленного сравнения с серою картиною родного быта, с сумрачными фонами, отсутствием радости жизни, мрачною подавленностью личности. Но одаренный воображением вопреки аналитическому инстинкту и критике, он легко впадал, вследствие такого сравнения, в отчаяние, в угрюмое уныние, приводившие его нередко к появлению презрения к Родине, к ее настоящему и прошлому.

И пока наплыв молодых людей с Востока в Европу ограничивался высшими торговыми и служивыми классами, скептический эпикуреизм являлся основной чертой «новых» мусульман. Презрение к Родине освобождало их от всяких обязанностей по отношению к ней, а своеобразно понятий «европеизм» давал им право безгранично пользоваться теми усадлами шикарной жизни, которую им предоставляла Европа. Широкий достаток, с одной стороны, и вольная жизнь европейских бульваров, с другой, были как раз наиболее подходящей почвой для такого настроения. Легко себе представить, с какой разнузданностью эти люди, принужденные у себя дома подстраиваться под лицемерное ханжество, предавались вольностям бульварной жизни и скольких денег стоили эти вольности для презираемой ими Родины. Эта последняя вспоминалась лишь тогда, когда чувствовалась нужда в деньгах, она служила для этих мусульман «нового» покроя лишь бездонным, но пре-

зираемым мешком денег на «содержание парижских или венских кокотов».

Увлечение Европой в этом смысле стало в одно время поветрием для сыновей всех «хороших семейств» и даже принцев царствующих династий. <...>Известно, например, что один из египетских халифов, не задумываясь, взял кредит под невероятные проценты, чтобы построить оперу в Каире и пригласить туда европейских знаменитых певцов! Эти излишества, эти безрасчетные траты на «европеизм» вскоре обременили эти государства такими невероятными долгами, такими высочайшими процентами, что некоторые из них впоследствии были объявлены чуть ли не банкротами и над ними была учреждена опека в виде контроля со стороны представителей европейских кредиторов.

Что же давали взамен всего этого Родине эти первые «новые мусульмане»? Ничего, если не считать за особые деяния то глубокое презрение, которое они неизменно питали к ней. Помимо этого они захламляли ее еще и теми отбросами вольтеррианства<sup>85</sup>, которые подбирали на бульварах европейских столиц. Хорошо ещё, если кто-нибудь из них, принужденный жить у себя дома, посвящал свои часы отчаянной скуки переводам пошлейших бульварных романов. Подобного рода занятие всегда предпочтительнее богохульств и пошлых надругательств над святынями Родины.

Не были ли правы «старые мусульмане» в их глумом презрении к этим ничтожествам, претендовавшим на «представительство» Европы, которую они

представляли лишь костюмами, развратом, полнейшей умственной и нравственной несостоятельностью, отражавшейся в бессильных глумлениях и насмешках.

Но вслед за этими «первыми сыновьями из хороших семейств» стали наплывать с Востока в Европу дети менее «хороших семейств». Они шли туда или посылаемые правительствами, или же влекомые жадной познаний, рассчитывая на свои скудные средства. Эти уже не имели ни времени, ни досуга, ни средств, ни «враждебного» вкуса ни к блеску, ни к заимствованию «европейской мудрости» у кокотов. Выходцы из народа, испытавшие на себе и на своих родных и близких все удары неустроенной жизни, они свое восхищение европейской цивилизацией не ограничило ее внешним блеском, ее театрами или бульварами, а теми ее элементами, на которых зиждется благоустройство, которые содействуют культурному и экономическому подъему народов.

Они страстно и с увлечением предались европейским наукам и европейской мысли! Прекрасно сознавая, что превосходство Запада над Востоком заключается не в его бульварах или кафешантанах, а в его школах, университетах и академиях, они задалась целью насаждать на Востоке именно европейские науки и мысль. Вскоре на всем мусульманском Востоке – в Турции, Индии, Египте и даже в Персии – появились на местных языках произведения первоклассных европейских мыслителей. Был дан сильный толчок газетной и журнальной прессе, книжному делу. В мусульманском



мире началось настоящее рационалистическое движение, выразившееся в усиленном учреждении школ и обществ всевозможного типа по европейскому образцу. Движение <...>держалось вначале строго объективного направления и вызывало особенное влечение к переводам из иностранных литератур. Оно особенно сильно и очень рельефно выразилось в Турции и Египте. Люди, ставшие во главе движения, назывались [в народе и в своем кругу] «новыми мусульманами»<sup>86</sup>. Они стремились к обновлению ислама путем оздоровления его европейскими науками и идеями. Нет сомнений в том, что не уклонись они от этого первоначального направления, то непременно преуспели бы в своем грандиозном предприятии.

**Нигде люди не падки на знания так, как мусульмане. Только нужно уметь преподнести им эти знания** (*прим. ред. – выделено нами*). Всякая лишняя приправа вроде религии или политики раздражает и отвращает их. Да и к чему эти приправы? Разве научные истины не приводят сами по себе к тем же заключениям в отношении религии и политики, что и наши риторические упражнения для них? Нужно только дать им время сделаться достоянием большинства, чтобы большинство это переварило их, превратило их в свою плоть и кровь.

Но, к сожалению, некоторые из нетерпеливых «новых мусульман» не дождались этого и поторопились с окончательными умозаключениями. Они ударились в политику, в этот камень преткновения всего Востока, от которого так страдают почти все восточные народы.

Движение из чисто объективного, рационалистического стало политическим и партийным и, конечно, потеряло под собой почву.

В Турции первым инициатором подобного уклонения был Мидхат-паша<sup>87</sup>. Верно, многое в тогдашних обстоятельствах говорило в пользу Мидхата. Это было накануне войны 1877–1878 гг.<sup>88</sup> Над Турцией нависла угроза гибели, нужно было во что бы то ни стало искать якорь спасения. Мидхат же был из тех редких горячих патриотов, которые любят Родину беззаветно и экзальтация коих доходит до самозабвения. Он глубоко верил в силу европейских учреждений, как безотчетно верит алхимик в мистические формулы, которые должны одним прикосновением превратить медь в золото. Он думал, что достаточно дать Турции конституционный образ правления, чтобы излечить все её болячки, чтобы снять с неё всю ту толстую скорлупу, которая наплавалась на неё веками и в силу которой она стала неподвижной. И он, этот редкий на Востоке по энергии и мужеству политический деятель, преуспел в начале своего предприятия: он дал Турции либеральнейшую в мире Конституцию. Но не прошло и года, как он убедился с досадою разочарования, что его великолепное здание построено на зыбком песке, и достаточно было лишь легкого толчка, чтобы оно расползлось по швам. В самом парламенте Мидхату приходилось назначать депутатов «оппозиции» и «сторонников» правительства – настолько народные избранники оказались не свежими в «конституционализме!»

И когда несколько месяцев спустя султан Абдул-Амид<sup>89</sup> разогнал весь этот сброд, то не только ни в сенате, ни в парламенте не нашлось ни одного человека, который бы дерзнул протестовать, но и во всей Турции не раздался ни один «народный голос» в защиту «прав народа». Бедный Мидхат должен был удалиться в Италию, созерпя издали с болью в душе разгром Отечества, должен был убедиться, что жизнь народа не укладывается в алхимические формулы, что она имеет свои стихии, с которыми неизбежно приходится считаться.

Но содеянного не вернешь. Часть «новых мусульман» бесповоротно ударились в политику и преобразилась в политическую партию под названием «Младотурки». Все силы и энергия этой части турецкой молодежи, среди которой имеется немало весьма талантливых людей, тратятся на политическую борьбу с существующим режимом. Их идеалы сводятся к восстановлению Конституции Мидхата, учреждению ответственной исполнительной власти и основанию федеративного государства. Но, увы, эти идеалы не находят почти никакого отголоска среди масс турецкого народа по той простой причине, что эта масса ни нравственно, ни умственно не подготовлена к их восприятию; кроме того, масса эта смутно сознает, что, составляя меньшинство в Империи, — и при том меньшинство наименее вооруженное, наименее подготовленное к жизненной и особенно к экономической борьбе, — в федеративном государстве она стоит перед угрозой постепенно и окончательно исчезнуть. Кроме того, партия, приняв чисто политиче-

ский характер, не могла всегда держаться на идеальной высоте безупречности, что, конечно, не могло не отразиться на её репутации и влиянии на народ.

Таким образом, партия эта до сих пор, кроме отрицательных результатов, ни к чему не привела. Она вызвала страшную реакцию со стороны правительства, цензоры удваивали бдительность, а полиция стала всерешающей. Само научно-рационалистическое движение стало подозрительным, и переводная литература, давшая вначале такой сильный толчок к общему пробуждению прессы и школы, стала проседать.

Сравнение в этом отношении между Турцией, Египтом и Индией приводит к весьма неутешительному заключению. В то время как в последних двух странах молодежь занята дальнейшим развитием начавшегося рационалистического движения, то в первой оно перешло в иные руки, которые и придают ему, как мы увидим после, совершенно иное направление. То, что пылкие люди хотели совершить во имя Турции силою и помимо ее воли, осуществится для них, несомненно, гораздо раньше, чем для Турции.

## ГДЕ ЖЕ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

### I

– Есть ли у вас, у мусульман, интеллигенция? – спросил меня во время беседы мой русский знакомый.

– Да! – ответил я. – В Баку и других городах вы найдете сейчас, не говоря уже о множестве народных учителей, немало мусульман с высшим образованием: докторов, адвокатов, инженеров.

– О ваших народных учителях я слышал кое-что, да и встречался с некоторыми из них кое-где. Я знаю, например, что некоторые из них серьезно работают и по мере сил стараются внедрять основы культурной жизни в народные массы. Но где же эти мусульмане с высшим образованием, эти доктора, адвокаты, инженеры и другие? Почему они не показываются, не проявляют себя? Ведь им бы скорее надлежало встать во главе культурного движения своего народа, направлять его, задавать ему тон и окраску! Но что-то о них совсем [ничего] не слышно. Почему это?

Вопросы эти своею неожиданностью озадачили меня. Где наша интеллигенция? – вот вопрос, на ко-

торый нелегко ответить. Я лично, по крайней мере, не нашел что ответить ему и поник головою. Сказать, например, что они заняты только своими делами и, из скромности, сторонятся общественной жизни, не желая принимать в ней участия – это было бы прямо-таки плохой услугою для этой самой интеллигенции. Кроме того, я изобличил бы тогда самого себя в противоречии. Мой собеседник, человек тонкий, сейчас же поймал бы меня и сказал бы: «Как же вы называете интеллигентными людей, которые дальше своего ремесла ничего не хотят знать? Но является ли общественная [деятельность] условием интеллигентности? Разве можно быть интеллигентным вне общества? Какая же тогда разница между самыми обыкновенными ремесленниками и дипломированными интеллигентами? Да и к чему этот диплом, если он не может внушить тем, кто его имеет, известные чувства долга и определённые духовные и нравственные ценности, которые отличают интеллигентных людей от прочей массы?»

Повторяю, что все эти мысли пришли мне в голову сиюминутно, и не желая, чтобы они возникли также у моего собеседника, я предпочёл смолчать и опустить глаза. Но мой собеседник, как замечено выше, был человек тонкий. Он понял причину моего молчания.

– Решительно не понимаю, – начал он снова. Неужели интеллигентные люди мирятся [с положением вещей] и не страдают от всего того, что их окружает? Неужели все эти школы, науки, книги, университеты

прошли мимо них, не возбудив в них новых чувств, новых потребностей?

– Позвольте! – попытался возразить я.

– Ничего не позволю! Я наперед знаю, что вы скажете. Вы скажете, что эти люди преданы своему делу, прекрасные работники в области своих профессий, что мысленно они живут современной культурой, много читают, интересуются науками. Все это так, но всего этого очень мало как для них самих, так и для родного им общества. Будем рассуждать логически и поступательно. Одно из двух: или пройденные университеты оставили на них свой след, выработали в них известные культурно-[просветительские] чувства, потребности, вкусы, инстинкты – или ничего этого не сделали. На этом втором случае остановлюсь ненадолго; речь моя будет коротка, <,,> [ибо] ни для меня, ни для вас, ни даже для того общества, из которого вышли такие «интеллигенты», они не представляют никакой положительной величины, между ними и самым простым ремесленником в общественном смысле нет никакой разницы; пожалуй, для общества простой ремесленник даже выгоднее, ибо как-никак он все-таки принимает участие в его жизни, вносит в нее свою лепту, тогда как ученый-ремесленник, оторванный от него хотя бы своею внешностью, является для него как бы не существующей величиной.

Перехожу теперь ко второму своему предположению. Если и в самом деле пройденные университеты

оставили какую-нибудь печать на них, если они успели выработать в них известные культурные потребности, возвышенные вкусы и стремления, то отчего же они не страдают? Вас удивляет это слово? Напрасно! Да, при наличии всех этих условий люди эти должны были бы страдать, страдать ужасно, мучительно, как не страдает ни один мученик.

– Позвольте, они страдают, и свои страдания не раз выражают и выражали.

– А вы позвольте мне не верить в искренность этих страданий. Настоящие страдания выражаются не в словах, а в поступках. Когда нас мучит голод или жажда, когда у нас режут какой-нибудь орган, когда на наших глазах пытаются близкого или родного человека, – согласитесь, что было бы смешно и даже глупо, если бы мы стали выражать свое страдание в тех или других патетических или сентиментальных фразах.

Вместо фраз в таких случаях мы [приступаем к действию и тем самым] прямо идем к цели – добываем хлеб, воду, защищаем любимого человека. Страдания души и сердца, по-моему, действуют еще сильнее, подталкивают страдающего непосредственно к цели. Невозможно, чтобы кто-нибудь страдал душою и сердцем всю жизнь, [выражая это] только одними фразами. Вот почему я не верю в существование страданий вашей интеллигенции. Если бы она страдала, то действовала бы, а если она не действует, то, следовательно, и не страдает.

А между тем сколько причин, сколько поводов для страданий! Душа и сердце болят всегда, когда их стремления, их потребности не удовлетворяются, когда они не достигают предметов своих вожеланий. Скажите, пожалуйста, среда, в которой живут ваши интеллигентные люди, предоставляет ли хоть какое-нибудь поле для удовлетворения интеллигентного человека? Это глубокое, беспросветное невежество массы, эти неустройство семьи и общества, само по себе отсутствие всякой общественной жизни – может ли все это удовлетворить даже самого беспретенциозного интеллигентного человека? А если нет, то почему же ваши интеллигентные люди не борются с этими явлениями, не стараются переделать основы жизни сообразно своим вкусам и потребностям?

Они постоянно вращаются в такой среде, и мне кажется, что столкновения этих вкусов и потребностей с действительностью должны беспрерывно отзываться в их душах и сердцах ужасными болями.

Почему они молчат, бездействуют и не реагируют? Не прав ли я, думая, что самих этих вкусов и потребностей нет.

– Ну, а если они бессильны?

– Что-о-о, бессильны? В чем? В борьбе с невежеством, с неустройством жизни?! Беру на себя смелость думать, что и это неправда. Сделали ли они хоть какую-нибудь попытку?

Мы продолжали с моим русским знакомым нашу беседу.

– Вы говорите, – начал он, – что ваша интеллигенция бессильна. Простите, я и этому не верю. Это просто удобная и дешевая драпировка, которой она прикрывает свою безжизненность, апатию и, не побоюсь этого слова, – малую интеллигентность. Прежде всего, я уже а priori<sup>90</sup> не могу допустить, чтобы свет, наука, знания были бессильны против мрака, невежества и предрасудков. Где бы они ни проявляли себя, везде они побеждают, лишь бы служители были людьми убежденными, великодушными и немного самоотверженными и служили бы им постоянно и неуклонно. Да, в одном лишь случае они беспомощны: это когда общество, уже пережившее и испытывшее все, начинает загнивать и разлагаться. Тогда уже не на чем сеять: почва истощена, души извращены, сердца изношены и чувства настолько изувечены, что ничто уже не отвратит их от постепенного скатывания по наклонной плоскости всеобщей дегенерации. Можно ли ваше мусульманское общество подвести к этому Рубикону?

Я русский, но я немного знаком с вашим народом, знаю его язык, его историю, его быт, нравы, обычаи. Этот народ не начал еще жить, он наивен как дитя, свеж как младенец. Проникните в ядро его, в деревню и даже в города. И потом, о бессилии можно говорить лишь после того, как испытаешь свои силы, вступив в борь-

бу. Без борьбы не может быть и речи о бессилии. Только дряхлые старики да трусы могут отступать от нее, боясь заранее. Кто же из вас боролся? Кто хотел сеять и не смог? Кто ринулся в жизнь народную со светильником в руках и любовью на устах и не нашел в ней отзвука? Поверьте, сердце народное чутко, оно откликнулось бы, раскрылось бы перед вами. Но, насколько мне известно, ваша интеллигенция до сих пор и палец о палец не ударила в этом направлении. Она эгоистично замкнулась в своем высокомерно-пренебрежительном отчуждении, далекая от жизни, далекая от масс.

– Говорят, что наши массы неподвижны по своей природе: они фанатичны и все равно будут глухи ко всем призывам интеллигенции.

– Ложь! Клевета! – воскликнул мой собеседник, необычайно воодушевившись. – Ложь, повторяю! Я знаю эти массы, долго жил среди них, и нигде толпа так не податлива, столь мало фанатична, как здесь. Судите сами: **фанатизм может быть там, где существуют традиционные религиозные обряды, где есть организованное духовенство, где народ настолько свыкся с известными религиозными обычаями, что ни за что не хочет расстаться с ними** (прим. ред. – выделено нами). В деревнях же мусульманских и в городской массе ничего подобного не наблюдается.

Я всегда поражался той терпимости и сговорчивости, которой отличается мусульманин-простолудин. Он готов всегда выслушать вас, о чем бы вы ни говорили, и его любознательность настолько свободна от вся-

кой исключительности, что всегда склоняется к вашим убедительным доводам. Впрочем, не очевидно ли это из того простого факта, что всевозможные секты так легко находят среди них распространение? Посмотрите, за короткое время среди них распространились такие крайние учения, как бабизм, шейхизм и рукни-рабизм<sup>91</sup>; некоторые из этих учений совершенно отвергают даже догматы мусульманства. Поверьте, что среди грубых фанатиков, исключительных пиетистов<sup>92</sup> подобные учения не нашли бы себе доступа. Их же успех доказывает не только слабое знакомство мусульман с их родным истинным учением, но и в целом их доступность, отзывчивость на новые влияния, отсутствие в них слепого фанатизма. Вашей интеллигенции можно было бы легко воспользоваться этими редкими качествами своего народа. Я ручаюсь, что их успехи были бы еще сильнее, еще интенсивнее, чем успехи фанатиков, распространяющих не подходящие для жизни и совершенно отсталые учения.

– Но каким же образом это сделать?

– Конечно, не сидя у себя дома и не ударяя себя в грудь.

Возьмите хотя бы Баку. Здесь вы не встретите ее [интеллигенцию] почти нигде. Все другие элементы живут, действуют, устраивают вечера, читают лекции, принимают участие в устройстве общедоступных народных развлечений. Одна только мусульманская интеллигенция отсутствует в этой общей жизни мусульманского города! Разве она не могла бы делать то же самое, что и

другие? Ведь на все вечера, на все лекции стекались бы [люди], пожалуй, еще больше, еще охотнее, чем на другие. Нет, эту апатию, эту бездеятельность я объясняю – что вы там ни говорите – единственно малоинтеллигентностью её. Это парадокс, но это так!

Я опять поник головой, не имея чем оправдать себя, своих друзей и товарищей.

## **«ОТЕЛЛО» ШЕКСПИРА И «РАЗБОЙНИКИ» ШИЛЛЕРА НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Не скрою от читателя: я приступаю к этой статье с тем чувством удовлетворения, которого я никогда не испытывал. Я пишу о начале осуществления моих мечтаний, о появлении в жизни мусульман того, на что я долго не мог надеяться, но что составляло предмет самых горячих моих желаний. Это – переводы на татарский язык первоклассных европейских писателей, предоставление возможности мусульманской массе приобщиться и ознакомиться с теми умственными и чувственными сокровищами, которые накоплены в произведениях первоклассных европейских писателей.

Пусть эти переводы вначале несовершенны, пусть они грешат и в смысле, и в точности передачи, пусть даже читателей на них найдётся на первых порах мало! Всё это ничего! Была бы лишь возможность читать европейских писателей на татарском языке! Величие выказанного в них ума, красота чувств, совершенство изложения, даже пострадавшие в переводе, даже несколько искаженные в пересказе на чужой язык, привлекут,

в конце концов, читателей, разовьют вкусы, создадут потребности в новых, более совершенных переводах.

Я жду от этих переводов очень и очень много большего, чем могут дать школы, чем может доставить пресса.

Что же касается оригинальных сочинений, то, ни мой взгляд, большая часть их не стоят и неполной странички перевода кого-нибудь из европейских классиков. Всякий раз, когда я читаю какое-нибудь оригинальное сочинение на татарском языке, когда я получаю какую-нибудь оригинальную книгу для отзыва, я с грустью жалею и то время, которое потрачено на них, и молодую пирующую энергию, которую они поглотили, и я не могу не воскликнуть: «Ах, если бы эти молодые люди потратили бы эти дорогие для их народа силы и дарования на переводы первоклассных европейских и русских писателей! Сколь неизмеримо плодотворнее, полезнее было бы потрачено их время!»

И действительно. В той стадии развития, в которой находятся сейчас наши мусульмане, они в огромной массе своей нуждаются в воспитании, в воспитании их умственных озарений, их чувств, их вкусов и потребностей.

А между тем их среда не может абсолютно выдвигать таких учителей, которые бы масштабностью своего гения или талантов соответствовали бы всему этому. Для этого нужно, чтобы данная среда несколькими поколениями воспитывала свой ум и чувства, накопляла веками тот запас энергии, познаний, чувств, которыми

она как бы обременяется в известные периоды и порождает гениев и таланты – носителей этого общего ума и чувства. Как в средние века (*прим. ред. – так в тексте. Весьма вероятно, автор имел в виду середину XIX в.*) немыслимы были для Франции Виктор Гюго или Кант<sup>93</sup>, в России Достоевский или Толстой, так и в наши дни в нашей мусульманской среде немыслимы такие мусульманские учителя, которые бы вели за собою толпу. Собственно говоря, и Достоевский, и Виктор Гюго были образцовыми воплотителями русской и французской души, общих идей, чувств, познаний и стремлений данной среды, хотя бы в смысле её представительей. Что же может отражать хотя бы самый даровитый мусульманский писатель нашей страны, когда даже самые высшие круги выросившей его среды нуждаются целиком в перевоспитании?

Кроме того, куда же мы должны обращаться для заимствования тех общечеловеческих идей и чувств, которые неминуемо должны входить в основу этого перевоспитания? Очевидно, что к Западу. Но также очевидно, что обращаясь к Западу, заимствуя у него общечеловеческие идеи и чувства, мы не будем в состоянии отражать их так образцово, так глубоко и выразительно, облекать их в столь чарующие и совершенные формы, как европейские писатели. Не лучше ли в таком случае обращаться прямо к первоисточнику, к тем неподражаемым образцам, которые нам даны уже в готовой форме европейской литературой.



Кроме несравненно более цельного и правильного ознакомления с общечеловеческими идеями и чувствами, мусульманские писатели, как и мусульманская масса, получают от них эстетическое воспитание, научатся мало-помалу красиво-привлекательному выражению своих мыслей и чувств, изящному изображению тех или других положений – короче, выработают в себе правильный критерий красоты и изящества формы. Все начинающие народы в этом отношении являлись учениками старых. Так, Россия была ученицею Европы, Европа Рима, Рим Греции и т. д. И вначале ученики точно копировали своих учителей, переводили их и старались рабски подражать им, пока сами не стали на ноги. Таким путём старые народы передают новым свои сокровища ума и чувств и те изящные формы, в которых они выражались, и этим устанавливается ещё новое звено, ещё новый узел в непрерываемости судеб человечества, в общности его природы и конечных тенденций.

Но помимо неизбежности этого этапа революции, наблюдаемого в жизни всех других народов, мы, мусульмане, должны остановиться на нём ещё по соображениям, в частности свойственным нам.

Как у людей Востока, квиетизм<sup>94</sup>, так сказать, [заложен] в нашей натуре. Мы охотно отвлекаемся от жизни, охотно уступаем жизнь смерти, с преувеличенным воодушевлением переносимся с Земли на небеса.

Мы закрываем глаза на Землю, охотно забывая, что между нею и Небом существует постоянное и непрерывное общение и что те, которые не успевают устро-

иться на Земле, дают ей возможность ускользнуть из-под ног, не достигают Неба.

На Востоке таковы все, таковы и мы, мусульмане. Вот почему у нас нет характера, т. е. людей с сильною волею, с сильными побуждениями и чувствами; потому-то ни в одной азиатской литературе вы не встретите тех форм литературы – вроде романа, трагедии, комедии, – которые покоились бы на подобных характерах. Наоборот, все формы литературы, все виды мышления или чувствований воплощались или в бесконечно усыпляющий лиризм, или же в туман и сумерки мистицизма.

Единственною реакциею против такого настроения явился ислам. Он впервые напомнил людям Азии о жизни, стал их как бы пробуждать от сна небесного, авторитетно напоминая, что без Земли нет и Неба, что первая служит порогом второго, и кто не вступит твёрдою ногою на порог, тот не попадёт на небо.

Этот призыв к жизни, эти новые струны жизнерадостности и были первою причиною того, что мусульмане стали собирать со всех сторон всё жизненное, всё, что могло возвеличивать жизнь, обогатить её, развивать. Они обратились для этого и к грекам, и к евреям, и к зороастрийцам, и к индусам, воспринимая и переводя всё красивое, разумное и жизненное, что содержали их литературы.

Но с течением времени наша восточная натура взяла верх, и мы опять впали в квиетизм, стали искать неба и счастья там, где вовсе их не было.

Теперь же европейская цивилизация вновь призывает нас к этой жизни. Формы её, как мы видели выше, лучше всего мы можем воспринимать у европейских же писателей.

Являясь представителями совершенно иной цивилизации, основным девизом которой служит «Жизнь, жизнь во всех её формах», они [создали] произведения, [которые] кажутся наилучшим противодействием расцветающему нас безжизненному квиетизму. [Только] одни они могут, как по совершенству своей формы, так и по величию своего содержания, призывать к пробуждению от сна, от добровольного затуманивания мысли какими-то призраками.

Вид на сцене одного Франца Моора из «Разбойников» Шиллера<sup>95</sup> или Дездемоны из «Отелло» Шекспира<sup>96</sup>, или знакомство с ними через чтение на родном языке вызовет целую пертурбацию в душе и воззрениях мусульманина. И сколько таких мощных выразителей самых возвышенных чувств и мыслей в европейской литературе! Как бы воздействовали они на нас, восполнили бы нашу бездеятельную натуру, какие импульсы подражания они вызвали бы в нас!

Вот почему я приветствую появление «Отелло» и «Разбойников» на татарском языке, как новую зарю в татарской литературе.

Первым переводом мы обязаны зрителю шушинского русско-татарского училища Гашим беку Везирову<sup>97</sup>, который известен в татарской (прим. ред. – читай «в азербайджанской») литературе как автор несколь-

ких удачных комедий, а вторым – Мехти беку Гаджинскому<sup>98</sup>. Переводы сделаны с русского языка, и трудности, которые переводчикам приходилось преодолевать, были велики. Нужно было переводить из синтетического языка, языка богатого, установленного и обработанного, на язык аналитический, ещё не установившийся, бедный терминологией. Но тем не менее оба перевода весьма гладки, удобны для чтения, легко усваиваются. Гг. Везиров и Гаджинский положили весьма полезное начало в татарской литературе, и появление их трудов в печати будет, безусловно, эпохой в истории этой литературы. Мы не сомневаемся, что весь интеллигентный круг мусульманских читателей встретит с чувством величайшей благодарности труды гг. Везирова и Гаджинского и от души разделит наши пожелания, чтобы появление в печати обоих произведений совершилось скорее.

## КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

### КОНФУЦИЙ И НИЦШЕ (О КИТАЙСКИХ ДЕЛАХ)

Опубликована в № 42 от 23 февраля 1901 года. По сути, данная статья является своеобразным освещением Ихэтуаньского, или Боксерского восстания китайцев против европейских колонизаторов. Начатая в 1898 г. борьба китайского народа за освобождение от колониального ига нашла свое отражение и в таких статьях автора, напечатанных на страницах «Каспия», как «Китайские дела» (1 мая 1899 г., № 92), «Китайские дела» (16 февраля 1900 г., № 37), «В Китае» (8 июня 1908 г., № 123), «Трагедия Китая» (1 июля 1900 г., № 142) и др.

<sup>1</sup> **Конфуций** (ок. 551 до н.э. – 479 до н.э.) – древний мыслитель и философ Китая. Основатель философской системы, известной как конфуцианство

<sup>2</sup> **Ницше** (Friedrich Wilhelm Nietzsche, 1844-1900) – немецкий мыслитель, классический филолог, композитор, поэт, создатель самобытного философского учения.

<sup>3</sup> **Аберрация** – отклонение от нормы, ошибки, нарушения

<sup>4</sup> **Антропофаг** – человек, употребляющий в пищу человеческое мясо, людоед, каннибал

<sup>5</sup> **Вальдерзее** (Alfred Heinrich Karl Ludwig von Waldersee, 1832-1904) – прусский военный деятель, генерал-фельдмаршал. В период «боксерского восстания» в Китае – главнокомандующий международными силами, направленными на подавление восстания.

<sup>6</sup> **Китченер** (Horatio Herbert Kitchener, 1868-1916) – британский военный деятель, фельдмаршал. В годы Первой мировой войны – военный министр Великобритании.

<sup>7</sup> **Роберт** – предположительно, имеется в виду **Роберт I Брюс** (1274-1329), король Шотландии, один из величайших шотландских монархов, основатель королевской династии Брюсов.

<sup>8</sup> **Чемберлен** (Houston Stewart Chamberlain, 1855-1927) – англо-немецкий писатель, социолог, теоретик «нордического» и «арийского» расизма.

<sup>9</sup> **Заратустра** – основатель зороастризма, жрец и пророк, которому было дано Откровение Ахура-Мазды в виде Авесты – священного писания зороастризма. Ницше был большим почитателем личности и учения Заратустры, являлся автором книги «Так говорил Заратустра...»

### О НЕОБХОДИМОСТИ ГАЗЕТЫ НА ТАТАРСКО-АДЕРБИДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Опубликована в № 262 от 2 декабря 1900 года. Тема ее была близка сердцу автора. Издание газеты на родном языке волновало А. Агаева еще с середины 1890-х годов, после его возвращения из Франции на Родину. Его неоднократные попытки получить разрешение для издания газеты на азербай-

джанском языке не увенчались успехом. Вплоть до выхода в свет первого номера газеты «Хаят» в июне 1905 года эта тема неоднократно затрагивалась в публикациях А. Агаева.

## ОПЫТ ОЧЕРКА О ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Опубликована в №№ 266, 272 от 8 и 15 декабря 1900 года. После начала издания инициированного наместничеством Кавказа «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК-а) сбор, классификация и публикация образцов устного народного творчества получили большой размах среди народов Южного и Северного Кавказа. Некоторая пассивность главных исполнителей этой работы – азербайджанских народных учителей – вызвала беспокойства и тревогу А. Агаева. В этом отношении данная статья была своеобразным призывом к активной деятельности.

<sup>10</sup> Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (сокр. – СМОМПК) – журнал, который издавался Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе с 1881 г. В нем содержался обширный материал по истории, археологии, лингвистики и этнографии Кавказа. Издание прекратило свое существование в 1915 г.

<sup>11</sup> Учебный округ – имеется в виду Кавказский учебный округ. Был учрежден в декабре 1848 г. указом Государственного совета по инициативе наместника Кавказа М.С.Воронцова. В состав входили обширные территории Южного и Северного Кавказа, а также Причерноморья.

<sup>12</sup> Халилов – Мирза Рагим Халилов, выпускник Иреванской учительской семинарии. В дальнейшем преподавал в той же се

минарии. Активно занимался собиранием и изданием образцов устного народного творчества. Является также автором ряда оригинальных произведений.

<sup>13</sup> Агтила (? –453) – правитель гуннов, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Волги до Рейна.

<sup>14</sup> «Каспий» – издаваемая в Баку в 1881-1919 гг. литературная, общественно-политическая, экономическая газета, имевшая специальный нефтяной отдел. С 1884 г. газета выходила ежедневно.

<sup>15</sup> Ашик – современное название «ашуг». Народный поэт-исполнитель у азербайджанцев, который в сопровождении саза исполняет как песни собственного сочинения, так и эпические сказания, народные песни. Слово «ашик», или «ашуг» (буквальное значение – «влюбленный»), имеет арабское происхождение и впервые появляется в литературе в XV в., более древний тюркский термин «озан». Ашугское искусство под воздействием азербайджанской культуры было распространено среди народов Кавказа.

<sup>16</sup> Трубадуры – средневековые поэты-музыканты (инструменталисты и певцы, преимущественно из Окситании (Франция). Творчество трубадуров охватывает период с конца XI до XIII вв.

<sup>17</sup> Миннезингеры – собирательное название поэтов-музыкантов в Германии XII-XIII вв. Подобно французским трубадурам, которые послужили для них образцом для подражания, миннезингеры воспевали придворную (куртизанскую) любовь.

<sup>18</sup> Тамбур – автор имел в виду *даф*, азербайджанский музыкальный ударный инструмент

<sup>19</sup> Флейта – автор имел в виду *ней*, древний деревянный духовой музыкальный инструмент, некоторые разновидности которого изготавливали только предки азербайджанцев

<sup>20</sup> **Скрипач** – автор имел в виду народного певца ашуга-сазандара, который исполняет песни собственного сочинения или народные сказания на сазе

<sup>21</sup> **Тар** – автор имел в виду струнный щипковый инструмент саз, один из старинных музыкальных инструментов азербайджанского народа.

<sup>22</sup> **Дудка** – автор имел в виду азербайджанский музыкальный духовой инструмент ней, распространенный среди народов Кавказа.

<sup>23</sup> **Кулабли** – Голаблы, селение в нынешнем Агдамском районе Азербайджанской Республики, которое испокон веков славилось своими культурными традициями. С сентября 1992 г. находится под армянской оккупацией.

<sup>24</sup> **Наби (Qaçaq Nəbi, 1854-1896)** – один из наиболее известных представителей азербайджанского национального движения «гачаг», ведущего борьбу за справедливость. Пользовался огромным уважением среди народных масс. А. Агаев в отношении к личности Гачага Наби исходил из официальной точки зрения Российской империи и своего времени.

### «ЦИВИЛИЗАТОРЫ»

Опубликована в № 45 от 27 февраля 1901 года. Противостояние Восток – Запад, в частности, надменность и высокомерие английских колонизаторов в отношении народов Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Индии и т.д., их эксплуататорская политика до конца жизни живо интересовали А. Агаева. В своих статьях, опубликованных в разных периодических изданиях, он неоднократно возвращался к этой теме. В 1920-х годах в Турции издал два мо-

нографических труда – «Три культуры» (1922) и «Англия и Индия» (1929). Можно сказать, что основой этих книг стала данная небольшая по объему статья.

### АШИКИ

Опубликована в № 9 от 11 января 1902 года. Первые выступления представителей народного творчества Азербайджана состоялись летом 1899 г. в Шуше и пользовались большим успехом. Можно предположить, что сам А. Агаев также был среди организаторов этого культурного мероприятия. Несмотря на некоторое нигилистическое отношение автора к традициям классического мугамного искусства, его статьи подобного содержания сыграли важную роль в деле популяризации азербайджанской музыки в многонациональной бакинской среде.

<sup>25</sup> **Театр Тагиева** – первое в истории мусульманского Востока специальное здание для театра. Было построено в Баку в 1883 г. по проекту архитектора Когновитского. Строительство полностью финансировалось известным меценатом Г.З.Тагиевым. Идея подарить городу театр также принадлежала ему.

<sup>26</sup> **Концерты** – имеются в виду известные в начале XX века концертные вечера, которые устраивали мастера искусств Азербайджана в Шуше и Баку.

<sup>27</sup> **Махур, Чахаргах** – отделы мугама, основного жанра азербайджанской традиционной музыки, многочастного вокально-инструментального произведения.

<sup>28</sup> **«Лейли и Меджнун»** – имеется в виду поэма Мухаммеда Физули, на основе которой было написано в 1908 г. либретто одноименной оперы Узеира Гаджибекова.

<sup>29</sup> Ахвердов (Əbdürrəhim bəy Nəqverdiyev, 1870-1933) – азербайджанский писатель, драматург, переводчик, театральный и общественный деятель.

## ТАТАРИН АСАН В ПЬЕСЕ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Опубликована в № 42 от 21 февраля 1903 года. Личность и творчество Максима Горького, одного из самых популярных русских писателей начала XX века, глубоко интересовали А. Агаева, и он придавал особое значение изучению связей М. Горького с мусульманским миром, выявлению исламских мотивов в его произведениях. Этой теме посвящена обширная статья «Горький и мусульманство», опубликованная в трех номерах (№№ 253, 255, 256) «Каспия» от 26, 28, 29 ноября 1903 г. А. Агаев также является автором статьи «Горький и Буренин» («Каспий», 19 сентября 1903 г., № 202)

<sup>30</sup> Карлейл (Thomas Carlyle, 1795-1881) – британский писатель, публицист и философ шотландского происхождения, автор многотомных исследований о Французской революции.

<sup>31</sup> Тэн (Hippolyte Adolphe Taine, 1828-1893) – французский философ-позитивист, теоретик искусства и литературы, историк. Создатель культурно-исторической школы в искусствознании. В годы учебы в Сорбонне Ахмед бек Агаев был лично знаком с ним.

<sup>32</sup> Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883) – русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург.

<sup>33</sup> Достоевский Фёдор Михайлович (1821-1881) – русский писатель, мыслитель, философ и публицист

<sup>34</sup> Толстой Лев Николаевич (1828-1910) – известный русский писатель-мыслитель, один из величайших писателей-романистов мира.

<sup>35</sup> Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841) – русский поэт, прозаик, драматург и художник.

<sup>36</sup> Помяловский Николай Герасимович (1835-1863) – русский писатель, автор реалистичных повестей.

<sup>37</sup> Mystisizme seave – (искаженный англ.) – спасательный мистицизм

<sup>38</sup> Декаденты – представители направления в литературе, творчество которых характеризуется эстетизмом, индивидуализмом и имморализмом.

<sup>39</sup> Максим Горький (Алексей Максимович Пешков, 1868-1936) – русский и советский писатель, прозаик, драматург, основоположник литературы социалистического реализма, инициатор создания Союза писателей СССР и первый председатель правления этого Союза.

<sup>40</sup> Г. Журналист – имеется в виду украинский журналист, сотрудник «Каспия» Н. Байздренко, который выступил отдельной статьей на страницах газеты о новом произведении Максима Горького.

## НЕСКОЛЬКО ИСКРЕННИХ СЛОВ В АДРЕС «ШЯРКИ-РУС»

Опубликована в № 88 от 22 апреля 1903 года., буквально через три недели после выхода «Шярки-рус», первой азербайджанской газеты XX столетия на родном языке. Газета не оправдала надежд передовой интеллигенции, в частности, редакции «Каспия», и прямолинейный по характеру Ахмед

бек Агаев не собирался скрывать этого. Его обоснованная критика вызвала резкую реакцию издателя и редактора газеты – Магомед-аги Шахтахтинского. В создавшейся ситуации А. Агаев ограничился своим правом на ответ, опубликовал статью «Мое последнее слово «Шярки-рус» («Каспий», 4 июня 1904 г., №119) и прекратил полемику в одностороннем порядке.

<sup>41</sup> «Шярки-рус» (“Şərqi-rus”) – первая азербайджанская газета XX в. на родном языке. Издавалась с марта 1903 г. по январь 1905 г. в Тифлисе под редакцией Магомед-аги Шахтахтинского, видного публициста, просветителя, востоковеда, языковеда и общественного деятеля.

<sup>42</sup> Тагиев (Наси Zeynalabdin Tağıyev, 1838-1924) – азербайджанский миллионер и меценат конца XIX – начала XX вв., действительный статский советник, благотворитель.

<sup>43</sup> «Азбука Мамед Аги» – составленная Магомед-агой Шахтахтинским «Новая мусульманская азбука», которая являлась молифицированным вариантом арабского алфавита и по трудности не уступала этому алфавиту.

<sup>44</sup> «Тегеранский листок» – намек на пышность языка и бессодержательность многих статей, написанных в стиле персидских авторов и опубликованных на страницах «Шярки-рус».

## РЕДКИЙ ЮБИЛЕЙ

Опубликована в № 93 от 29 апреля 1903 года. Статья посвящена 20-летию со дня основания популярной газеты «Тарджиман» («Переводчик»). В начале XX века это был единственный печатный орган многомиллионного тюркского населения Российской империи, издаваемой в Бахчиса-

рае. Издатель и редактор газеты Исмаил Гаспринский был не только идейным соратником, но и ближайшим другом А. Агаева, и последний писал о его личности и многогранной деятельности не только на страницах «Каспия», но и в других азербайджанских и турецких изданиях.

<sup>45</sup> «Тарджиман» (Terciman) – крымско-татарская газета, которая выходила в Бахчисарае в 1883-1918 гг. и в конце XIX века фактически была печатным органом тюркского населения Российской империи.

<sup>46</sup> Исмаил бек Гаспринский (İsmail Qaspralı, 1851-1914) – крымско-татарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик. Является одним из основоположников джадидизма и глашатаем идеи единства тюркских народов.

<sup>47</sup> Сенкевич (Henryk Sienkiewicz, 1846-1916) – польский писатель, известен как автор исторических романов. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 г.

<sup>48</sup> Гюго (Victor Marie Hugo, 1802-1885) – французский писатель, поэт, драматург. Одна из главных фигур французского романтизма.

## ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГЕ (ПО ПОВОДУ ДВУХСОТЛЕТИЯ)

Опубликована в № 104 от 14 мая 1903 года. и посвящена 200-летию со дня заложения основы Северной столицы. Выпускник тифлисской реальной школы А. Агаев первый раз посетил Петербург в 1888 году с целью поступления в столичный Технологический институт. Затея не увенчалась успехом. Петербург своим величием и неповторимостью произвел яркое впечатление и оставил неизгладимый след в

душе молодого выходца из Шуши. Это отражено и в его публикациях. Другая статья автора, посвященная той же теме под названием «К двухсотлетию Петербурга», опубликована в «Каспии» за № 111 от 21 мая 1903 г.

<sup>49</sup> **Петр (Петр I Алексеевич, прозванный Великим, 1672-1725)** – последний царь всея Руси (1682) и первый император всероссийский (1721) из династии Романовых.

<sup>50</sup> «**Тысяча и одна ночь**» – памятник средневековой арабской литературы, собрание рассказов о персидском царе Шахрияре и его жене Шахерезаде.

<sup>51</sup> **Публичная библиотека** – Императорская Публичная библиотека была основана в 1795 г. императрицей Екатериной II. В 1991 г. переименована в Русскую Национальную библиотеку.

<sup>52</sup> **Технологический институт** – ведущий в XIX веке российский вуз в области строительства, химии, химической технологии и т.д. Основан в 1828 г.

### РАБЫ ШАБЛОНА

Опубликована в № 124 от 10 июня 1903 года. Поводом для написания статьи стала неприятная история, произошедшая с близким знакомым автора, известным детским писателем и народным учителем С. С. Ахундовым. А. Агаев не ограничился контурами частного случая и в небольшой статье создал обобщенную картину невежественной надменности русского чиновника по отношению к мусульманам, порицая демонстративное неуважение к человеку, в особенности к т.н. «туземцам», а также слепое почитание западных стереотипов и подобоострастный трепет перед шаблонной иерархией.

<sup>53</sup> **Сулейман бек Ахундов (Süleyman Sani Axundov, 1875-1939)** – азербайджанский драматург, детский писатель, журналист и педагог.

<sup>54</sup> **Au pluvage de polie** – дамская шляпа с широкими полями (фр.)

### РАСКОЛЬНИКОВЫ И КЯРАМЫ

Опубликована в № 241 от 8 ноября 1903 года. Поводом для написания статьи стали провокационные выступления газеты «Новое время». Под идейным руководством издателя и редактора А.С.Суворина, известного своим враждебным отношением к нерусским народам Российской империи, газета обвиняла в первую очередь «мусульманские народы» Кавказа в приверженности к преступным действиям, в неподчинении законам государства. В ответ на эти сущие домыслы А. Агаев ответил статьей, где противопоставляются два типа преступников, характерных для самой России и Кавказа, – убежденный убийца Раскольников и преступник поневоле, невольник чести ГачагКерем.

<sup>55</sup> **Terra incognita** – неизвестная территория (лат.)

<sup>56</sup> **Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)** – русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основу реалистического направления в русской литературе. Величайший национальный поэт России.

<sup>57</sup> **Абрек** – человек, ушедший в горы, живущий вне власти и закона, ведущий разбойничий образ жизни.

<sup>58</sup> **Mersi pour Phonneur** – спасибо за внимание (фр.)



<sup>59</sup> Раскольников – главный герой известного романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»; в статье представлен как обобщенный тип русского преступника.

<sup>60</sup> Кярам (Qаҫақ Кәғәм, 1860-1910) – реальная историческая личность, популярный в народе азербайджанский гагач-бунтарь. В статье представлен как обобщенный образ преступника поневоле с восточным менталитетом.

<sup>61</sup> Суворин Алексей Сергеевич (1834-1912) – русский журналист, издатель, писатель, театральный критик.

<sup>62</sup> «Новое время» – русская общественно-политическая газета. Издавалась в 1868-1917 гг. в Петербурге. Издателем в 1876-1912 гг. был А.С.Суворин. Характеризуется как реакционный, беспринципный орган печати. Газета занимала враждебную позицию по отношению к иноземным народам Российской империи.

## ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Это первая статья А. Агаева из цикла «Положение мусульманских народов». Опубликовано в № 246 от 14 ноября 1903 года. Ахмед бек является автором десятков научно-публицистических трудов на французском, русском, азербайджанском, турецком языках о доктринах и трансформации ислама, о его роли в жизни ближневосточных, в том числе родного азербайджанского, народов. Статьи данного цикла, основанные на всестороннем историческом материале и отличающиеся глубоким анализом, были опубликованы в №№ 246, 251 от 14 и 21 ноября; в №№ 267, 272, 276 от 13, 19 и 24 декабря 1903 г.; в №№ 6, 12, 18 от 9, 16 и 23 января 1904 г. Они вызвали бурную полемику в русскоязычной кавказской печати начала XX века.

<sup>63</sup> Crescendo – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

<sup>64</sup> Уммиады – правильное написание Омейяды. Династия халифов, основанная Муавией в 661 г. Омейяды правили в Дамасском халифате до середины VIII в. В 750 г. их власть была свергнута Аббасидами.

<sup>65</sup> Аббасиды – вторая после Омейядов династия арабских халифов (750-1258), происходившая от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, дяди пророка Мухаммеда.

<sup>66</sup> Крестовые походы – серия религиозных военных походов XI–XIV вв. из Западной Европы на Ближний Восток против мусульман, и не только. В узком смысле целью крестовых походов было освобождение Иерусалима, в котором находится главная святыня христианского мира Гроб Господень.

<sup>67</sup> Сельджукиды – ветвь огузо-туркманского племени гыныг, принадлежавшая к центральноазиатским тюркам. Имя получили от главного вождя своей орды Сельджука, поселившегося, по преданию, в 955 г. на Сыр-Дарье.

<sup>68</sup> Салахаддин (Салах ад-Дин, Саладин, 1138-1193) – султан Египта, Сирия и др. областей, военачальник, организатор и вождь сопротивления против крестовых походов европейского рыцарства, мусульманский лидер XII в. Основатель династии Айюбидов.

<sup>69</sup> Ричард I Львиное Сердце (Richard the Lionheart, 1157-1199) – английский король из династии Плантагенетов. Один из самых известных крестоносцев, большую часть своего правления провел за пределами Англии в крестовых походах и иных войнах, прославился как выдающийся полководец.

<sup>70</sup> Оттоманы (Османы) – османские турки, составляющие основное население Османской империи (1299-1922). Название происходит от имени Османа I Гази, первого султана Османской империи

<sup>71</sup> Речь идет о появлении Оттоманской династии

<sup>72</sup> Гарун ар-Рашид (Абу Джафар Харун ибн Мухаммед, 766-829) – арабский халиф, правитель Аббасидского халифата в 786-809 гг.

<sup>73</sup> Зибейда (Зубейда бинт Джафар, 765-831) – арабская принцесса из династии Аббасидов, любимая жена халифа Гарун ар-Рашида, царица-мать в период правления своего сына аль-Амина.

<sup>74</sup> Чингиз (Чингис-хан, 1155-1227) – основатель и первый великий хан Монгольской империи, самой крупной в истории человечества континентальной империи.

<sup>75</sup> Хулаку (Хулагу-хан, 1217-1265) – монгольский правитель и военачальник, внук Чингисхана. Основатель династии Хулагуидов.

<sup>76</sup> Насири-Туси (Насир ад-Дин Туси; Nāsrēddīn ʿAbū ʿAlī Māhāmūd ibn Māhāmūd Tūsī, 1201-1274) – ученый-энциклопедист азербайджанского происхождения, основатель первой в мире обсерватории, автор сочинений по многим отраслям науки, знаток и комментатор древнегреческих ученых и мыслителей.

<sup>77</sup> Птоломей (Claudius Ptolemeus, ок. 100 – ок.170) – позднеллинистический астроном, астролог, механик, философ. Оставил глубокий след во многих областях науки.

<sup>78</sup> Тимурлан (Тимур, 1336-1405) – среднеазиатский тюркский военачальник и завоеватель. Основатель империи Тимуридов (1370) со столицей в Самарканде.

<sup>79</sup> Казан-хан (Mahmud Qazan han, 1271-1304) – тюркский правитель, ильхан государства Хулагуидов.

<sup>80</sup> Французская революция (Revolution Française) – крупнейшая трансформация социальной и политической системы Франции, приведшая к уничтожению в стране абсолютной монархии и провозглашению Первой Французской Республики (сентябрь, 1792 г.)

<sup>81</sup> Сеид Джамаледдин (Sema'uddin al-ʿOfqani, 1839-1897) – мусульманский реформатор, сторонник единения всех мусульман, идейный отец панисламизма.

<sup>82</sup> «Урватуль-вуска» – газета реформаторского толка, изданная в 1890-е годы в Париже Джамаледдином Афгани вместе с прогрессивным арабским религиозным деятелем из Египта Мухаммедом Абдо.

<sup>83</sup> Амр (ʿAmr ibn al-ʿAs al-Qūreʿy, 573-664) – арабский полководец и политический деятель в период возникновения ислама. Первоначально один из непримиримейших врагов Пророка Мухаммеда и его учения, но затем один из самых ревностных его последователей.

<sup>84</sup> Зейд (Zeyd ibn Harisā al-Kalbi, 588-629) – сподвижник Пророка Мухаммеда, его приемный сын и вольноотпущенник.

## ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ. ПРОГРЕССИСТЫ И МЛАДОТУРКИ

Опубликована в № 251 от 21 ноября 1903 г. Вторая статья из цикла «Положение мусульманских народов». Если первая статья в целом носила обобщающий характер и, по определению самого автора, являлась ретроспективным взглядом на историю Востока, то в данной части основное внимание уделяется конкретным примерам пробуждения мусульманских народов, новым веяниям и течениям в их культурной и общественно-политической жизни. А. Агаев, в частности, более детально освещает деятельность «новых турок», или младотурок, некоторых представителей которых хорошо знал по парижскому периоду своей жизни.

<sup>85</sup> **Вольтерянство(вольтерьянство)** – ведущее направление российской общественной мысли второй половины XVIII–первой половины XIX в., вызванное к жизни начинателем французского Просвещения, философом-просветителем и писателем Вольтером.

<sup>86</sup> **«Новые мусульмане»** – имеются в виду сторонники и активные борцы за распространение новых, прогрессивных идей среди последователей ислама. В Османской империи они проявились как младотурки, в Иране как «новые иранцы», в Центральной Азии как «молодые бухарцы» и т.д.

<sup>87</sup> **Мидхат-паша (Ahmet Şefik Midhat Paşa, 1822-1884)** – османский политик и государственный деятель. Два раза был сад-разамом Османской империи. Являлся сторонником реформ. Считается одним из авторов первой турецкой Конституции 1876 года.

<sup>88</sup> **Война 1877-1878 гг.** – русско-турецкая война, которая велась между Российской империей и союзными с ней балканскими странами с одной, и Османской империей с другой стороны.

<sup>89</sup> **Абдул-Амид (Абдул Гамид II, İkinci Abdülhamid, 1842-1918)** – султан Османской империи и 99-й халиф, правил в 1876-1909 гг. Последний самодержавный правитель Османской империи.

#### ГДЕ ЖЕ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Опубликована в №№ 259, 262 от 3 и 6 декабря 1903 года. Роль национальной интеллигенции в жизни общества, ее ответственность перед родным народом в поворотном моменте его истории нашли свое отражение также в аналогичных по теме статьях автора, таких, как «Задачи нашей интеллигенции» («Каспий», №№ 17, 18, 19 от 21, 22, 23 января 1903 г.), «Роль интеллигентного мусульманина» («Каспий», № 87

от 15 апреля 1904 г.) и в других многочисленных публикациях А. Агаева на родном языке.

<sup>90</sup> **A priori** – (лат. «от предшествующего») – философский термин. Знание, полученное до опыта и независимо от него (знание априори), то есть знание, как бы заранее известное

<sup>91</sup> **Бабизм, шейхизм, рукни-рабизм** – различные секты и течения в исламе.

<sup>92</sup> **Пиетисты** – сторонники пиетизма, религиозного течения, противопоставляющего формально-обрядовой стороне религии мистические чувства.

#### «ОТЕЛЛО» ШЕКСПИРА И «РАЗБОЙНИКИ» ШИЛЛЕРА НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Опубликована в № 275 от 23 декабря 1903 года. Перевод на родной язык и издание трудов классиков мировой литературы, по мнению А. Агаева, были важными этапами в деле приобщения азербайджанской литературно-культурной жизни к общемировой цивилизации. Поэтому он настойчиво призывал своих братьев по перу, взамен «засорения» родной литературы слабыми, не имевшими художественной ценности произведениями, больше заниматься переводом образцов мировой классики. В данном случае его интересовало даже не качество переводов, а факт появления такой тенденции в национальной культуре.

<sup>93</sup> **Кант (Immanuel Kant, 1724-1804)** – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

<sup>94</sup> **Квиетизм** – мистико-аскетическое движение в католицизме XVI-XVII вв. Одной из определяющих черт квиетизма является

акцент на неактивном состоянии в деле мистического единения с Богом.

<sup>95</sup> Шиллер (Johann Christoph Friedrich von Schiller, 1759-1805) – немецкий поэт, философ, драматург, теоретик искусства. Видный представитель немецкого романтизма литературного движения «Буря и натиск».

<sup>96</sup> Шекспир (William Shakespeare, 1564-1616) – английский поэт и драматург. Считается величайшим англоязычным писателем и одним из лучших драматургов мира, а также именуется национальным поэтом Англии.

<sup>97</sup> Гашим бек Везиров (Haşım bəy Vəzirov, 1868-1916) – азербайджанский журналист, издатель, переводчик, автор ряда оригинальных драматических произведений. Наряду с переводом «Отелло» Шекспира на родной язык он принимал участие в постановке пьесы на азербайджанской сцене, сыграв роль Отелло.

<sup>98</sup> Мехди бек Гаджинский (Mehdi bəy Hacinski, 1879-1941) – публицист, переводчик, драматург, театровед. Один из лидеров Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920).

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### СПИСОК СТАТЕЙ АХМЕД БЕКА АГАЕВА, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «КАСПИЙ» В 1898 -1905 гг.

1898

1. Новруз-байрам. 16 марта, № 53.
2. Маленький фельетон. Впечатления случайно заброшенного в Баку. 14 июня, № 125
3. Телеграммы «Каспия». 16 июня, №126
4. О необходимости изучения Востока. 24 июня, № 133
5. Маленький фельетон. Современные Санчо Панса. 27 июня, № 136
6. Маленький фельетон. На гонке велосипедистов. 2 июля, № 139
7. Из жизни Востока. 5 июля, №142
8. Маленький фельетон. Сазандары. 7 июля, № 143
9. Несколько слов по поводу «Нескольких слов о бабдах». 8 июля, № 144
10. Россия и русские в восточной литературе. 12 июля, №148
11. Дервиши. 14 июля, № 149
12. Россия и русские в восточной литературе (окончание). 16 июля, № 151
13. Из жизни Востока. 24 июля, № 157
14. Бухара. 25 июля, № 158
15. Маленький фельетон. Любовь. 28 июля, № 160.

16. Из жизни Востока (продолжение). 31 июля, № 163
17. Кое о чем. 8 августа, № 169
18. Об ишанах. 14 августа, № 173
19. Корреспонденция «Каспия». Шуша. 22 августа, № 180
20. Колдовство «Каспия». Нуха. 28 августа, № 185
21. Запад и Восток. 30 сентября, № 209
22. Колдовство. 7 октября, № 214
23. На ту же тему. Запад и Восток (окончание). 8 октября, № 215
24. Турция. Ея прошлое и настоящее. 16 октября, № 222
25. Корреспонденция «Каспия». Шуша (окончание). 20 октября, № 224
26. Маленький фельетон. Бакинская тюрьма. 21 октября, № 225
27. Турция. Ея прошлое и настоящее (продолжение). 28 октября, № 229
28. Турция. Ея прошлое и настоящее (продолжение). 6 ноября, № 237
29. Турция. Ея прошлое и настоящее (окончание). 7 ноября, № 238
30. Вольтер. 13 ноября, № 243
31. Вольтер (окончание). 14 ноября, № 244
32. Театр и музыка. 18 ноября, № 246
33. Персия. 20 ноября, № 248
34. Феминизм. 2 декабря, № 256
35. Бакинское ханство. Рукописная хроника Аббас Кули Аги Бакиханова. 4 декабря, № 258
36. Возмутительное дело. 9 декабря, № 262
37. Ислам и женщина. 11 декабря, № 264
38. Секта хуруфитов. 18 декабря, № 270

## 1899

1. Ислам и прогресс. 10 января, № 7
2. Ислам и прогресс (окончание). 13 января, № 9
3. Литература в современной Японии. 15 января, № 11
4. Афганские дела. 19 января, № 14
5. Обратная сторона современной колониальной жизни. 22 января, № 17
6. Из жизни Востока (продолжение). 28 января, № 22
7. Рамазан. 29 января, № 23
8. На крыше мира. 5 февраля, № 28
9. Из жизни Востока (продолжение). 11 февраля, № 33
10. Письма разбойника из „той“ жизни. Ч. I. 12 февраля, № 34
11. Театр и музыка. 14 февраля, № 36
12. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. II. 19 февраля, № 40
13. Из жизни Востока (продолжение). 21 февраля, № 42
14. Из жизни Востока (продолжение). 24 февраля, № 44
15. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. III. 5 марта, № 50
16. Театр и музыка. 6 марта, № 51
17. Вечер под Новруз-байрам. 9 марта, № 53
18. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. IV. 12 марта, № 56
19. Мусульманство и его будущность. 16 марта, № 59
20. Письма разбойника из «той» жизни. Ч.V. 19 марта, № 62
21. Из жизни Запада. Германия в конце столетия. 27 марта, № 68

22. Из жизни Запада. Германия в конце столетия (окончание). 31 марта, № 71
23. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. VI. 2 апреля, № 73
24. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. VII. 8 апреля, № 78
25. Курбан-байрам. 9 апреля, № 79
26. Из жизни Востока (продолжение). 27 апреля, № 88
27. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. VIII. 30 апреля, № 90
28. Китайские дела. 1 мая, № 91
29. К вопросу о медицинской помощи на промыслах. 1 мая, № 91
30. Из жизни Востока (продолжение). 2 мая, № 92
31. Мохаррам. 5 мая, № 94
32. Мохаррам (продолжение). 6 мая, № 95
33. Мохаррам (окончание). 8 мая, № 96
34. Из жизни Востока (продолжение). 12 мая, № 99
35. По поводу Мирной конференции. 14 мая, № 101
36. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. IX. 21 мая, № 106
37. Пушкин на Востоке. 26 мая. Спецвыпуск. Пушкинский номер.
38. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. X. 4 июня, № 116
39. Англичане и Гаагская конференция. 5 июня, № 117
40. Два туземца о мусульманке. 11 июня, № 121
41. Два туземца о мусульманке (окончание). 18 июня. № 127
42. Из жизни Востока (продолжение). 20 июня, № 129
43. Французские дела. 22 июня, № 130
44. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. XI. 25 июня, № 133
45. Письма разбойника из «той» жизни. Ч. XII. 2 июля, № 138
46. В храме огнепоклонников. 8 июля, № 143
47. Значение ориенталистики. 9 июля, № 144
48. Из жизни Востока (продолжение). 13 июля, № 147
49. Необходимые учреждения. 16 июля, № 150
50. Торговля и пути сообщения в Персии. 30 июля, № 161
51. Торговля и пути сообщения в Персии (окончание). 1 августа, № 163
52. «Говорящие мертвецы». 6 августа, № 167
53. Англия и Трансвааль. 8 октября, № 216
54. Неурожай в Персии. 15 октября, № 222
55. Кавказ и его истолкователи. 21 октября, № 227
56. Кавказ и его истолкователи (окончание). 24 октября, № 22
57. Наши беки. 27 октября, № 230
58. Политика Англии. 29 октября, № 232
59. Наши беки (продолжение). 30 октября, № 233
60. Новый источник света. 5 ноября, № 238
61. Наши беки (окончание). 6 ноября, № 239
62. На ученическом спектакле. 9 ноября, № 241
63. Социальный реформатор в Индии. 12 ноября, № 244
64. Социальный реформатор в Индии (окончание). 19 ноября, № 250
65. Обзор журналистики на Востоке. 26 ноября, № 255
66. Из жизни Востока (продолжение). 30 ноября, № 258

67. Обзор восточной журналистики. 4 декабря, №262  
 68. Из жизни Востока (окончание). 8 декабря, № 264  
 69. Обзор восточной журналистики (окончание).10 декабря, №266  
 70. Критическое положение Англии. 15 декабря, № 270  
 71. Значение рационалистического движения на Востоке, 18 декабря, № 272

## 1900

1. Международная жизнь за 1899 г. 1 января, № 1  
 2. Международная жизнь за 1899 г. 5 января, № 3  
 3. Египет и англичане. 12 января, № 8  
 4. Ночь мусульманина в Рамазане. 14 января, № 10  
 5. Зубейда и Аббас. 21 января, № 16  
 6. Персидский заем. 23 января. № 18  
 7. Герат. Исторический обзор. 28 января, № 22  
 8. Оголтелые люди. 5 февраля, № 28  
 9. Курьезы из области ориенталистики. 8 февраля, № 30  
 10. Ещё о рештской дороге. 10 февраля, № 32  
 11. За чужие грехи. 11 февраля, № 33  
 12. Общественное настроение в Персии. 13 февраля, № 35  
 13. Китайские дела. 16 февраля, № 37  
 14. Между друзьями. 18 февраля, № 39  
 15. Положение дел в Индии. 1 марта, № 47  
 16. Свет и тьма (По поводу Новруза). 8 марта, № 53  
 17. В Южной Африке. 14 марта, № 58  
 18. Из жизни Востока. В Афганистане. 23 марта, № 66

19. Мусульманские ученые и их заслуги в области наук. Ибн Халдун. 31 марта, № 72  
 20. Необходимость реформ в Персии. 7 апреля. № 78  
 21. Панисламизм, его характер и направление. 14 апреля, № 82  
 22. Панисламизм, его характер и направление (продолжение). 15 апреля. № 82  
 23. Наши клубы. Из записной книжки. 18 апреля, № 84  
 24. Панисламизм, его характер и направление (продолжение). 21 апреля, № 87  
 25. Поучительный пример. 27 апреля, № 92  
 26. Бакинские нравы. 29 апреля, № 94  
 27. Месть. Быль. Из помещицкого быта Елисаветпольской губернии. 5 мая, №98  
 28. Взгляд Персии на власть шаха. 24 мая, № 112  
 29. Мемуары капитана Лисичкина. 2 июня, № 118  
 30. Благотетели. 7 июня, № 122  
 31. В Китае. 8 июня, № 123  
 32. Наши предрассудки. 10 июня, № 125  
 33. Печатное дело на Востоке. 14 июня, № 128  
 34. Увоз. Эпизод из жизни кочевников. 16 июня, № 120  
 35. Общество востоковедения. 21 июня, № 134  
 36. Посвящение дервиша. 23 июня, № 136  
 37. «Мазанда», 27 июня, № 139  
 38. Китайская трагедия. 1 июля, № 142  
 39. Библиография. 4 июля, № 144  
 40. Сердце матери. 5 сентября, № 194  
 41. По поводу юбилея султана. 8 сентября, № 197

42. Наброски. Экономические беседы. 8 сентября, № 197

43. По поводу юбилея султана (окончание). 12 сентября, № 199

44. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 16 сентября, № 202

45. Первый удар. 17 сентября, № 203.

46. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 21 сентября, № 206

47. Библиография. Килиди-Адабият (Ключ к литературе). 21 сентября, № 206

48. Султан и Шах. 22 сентября, № 207

49. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 26 сентября, № 210

50. Барон де Бай. 28 сентября, № 211

51. Султан и Шах (продолжение). 29 сентября, № 212

52. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 1 октября, № 214

53. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 3 октября, № 215

54. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 4 октября, № 216

55. Современная Персия. 6 октября, № 218

56. Современная Персия (окончание). 7 октября, № 219

57. Наброски. Экономические беседы (продолжение). 10 октября, № 221

58. Школы для мусульман. 12 октября, № 223

59. Школы для мусульман (окончание). 13 октября, № 224

60. Наброски Экономические беседы (окончание). 14 октября, № 225

61. Шютур-Мюрг. 20 октября, № 229

62. Маленький фельетон. Фатум. 21 октября, № 230

63. Французский путешественник о Кавказе. 24 октября, № 231

64. Мектебы и медресе. 27 октября, № 234

65. Кошмар. 29 октября, № 236

66. Мектебы и медресе (окончание). 3 ноября, № 240

67. Таможенный вопрос в Персии. 9 ноября, № 245

68. Ислам в XIX веке. 10 ноября, № 246

69. Ислам в XIX веке (продолжение). 17 ноября, № 251

70. Ислам в XIX веке (продолжение). 25 ноября, № 256

71. Ислам в XIX веке (окончание). 1 декабря, № 261

72. О необходимости газеты на татарско-адербиджанском языке. 2 декабря, № 262

73. Французский путешественник о Кавказе (окончание). 6 декабря, № 265

74. Опыт очерка татарской народной поэзии. 8 декабря, № 266

74. Опыт очерка татарской народной поэзии (окончание). 15 декабря, № 272

76. Беспремерная борьба за свободу. 22 декабря, № 278

77. Обратная сторона Трансваальской войны. 24 декабря, № 280

78. Первые мусульмане у христиан. 25 декабря, № 281



1. Поучительная сторона 1900 года. 1 января, № 1
2. Поучительная сторона (продолжение). 4 января, № 3
3. Поучительная сторона (продолжение). 6 января, № 5
4. Поучительная сторона (продолжение). 11 января, № 8
5. Через XX веков. 16 января, № 12
6. Впечатления жизни. Послеобеденный сон. 21 января, № 17
7. По поводу шушинских выборов. 24 января, № 19
8. Злобы дня. 28 января, № 23
9. наброски. 31 января, № 25
10. Из иностранной литературы. Кутящий Париж. 2 февраля, № 27
11. Театр и музыка. 4 февраля, № 28
12. Обратная сторона царствования королевы Виктории. 16 февраля, № 36
13. Конфуций и Ницше (О китайских делах). 23 февраля, № 42
14. «Цивилизаторы». 27 февраля, № 45
15. К предстоящему Новруз-байраму. 4 марта, № 50
16. Желтая боязнь. 9 марта, № 54
17. «Унга». Восточная сказка. 16 марта, № 60
18. Закат и хюмс. 23 марта, № 66
19. Из иностранной литературы (повесть «Делец» и роман «Призрак» Поля Бурже). 24 марта, № 67
20. Из поездки в Джеванширский уезд. 11 апреля, № 79
21. Из поездки в Джеванширский уезд (окончание). 12 апреля, № 80
22. Толпа и слухи. 4 мая, № 98
23. Размышления пессимиста. 9 мая, № 102
24. Гувернантка в татарской семье. 18 мая, № 107
25. Смерть мусульманки. Из эпохи Магомета. 23 мая, № 112
26. Картинки арабской жизни времён Магомета. 1 июня, № 117
27. К поднятию сельскохозяйственной культуры в Шушинском районе. 7 июля, № 147
28. К поднятию сельскохозяйственной культуры в Шушинском районе (продолжение). 13 июля, № 152
29. К поднятию сельскохозяйственной культуры в Шушинском районе (продолжение). 17 июля, № 155
30. Имеет ли турецко-татарская раса свою азбуку? 20 июля, № 158
31. К поднятию сельскохозяйственной культуры в Шушинском районе (окончание). 24 июля, № 161
32. Среди татар. От Дербента до Елисаветполя. 4 сентября, № 193
33. У сенусидов. 7 сентября, № 196
34. Общечеловеческий язык. 14 сентября, № 201
35. Маленький фельетон. Татарская легенда о создании человека. 19 сентября, № 204
36. Библиомания среди мусульман. 21 сентября, № 206
37. Из области политики. Франко-турецкий конфликт. 23 сентября, № 208
38. К телеграммам. Абдурахман, эмир афганский. 28 сентября, № 211
39. Библиомания среди мусульман. 29 сентября, № 212
40. Персидские дела. 4 октября, № 215
41. Женское образование среди мусульман. 5 октября, № 216

42. Мусульмане в области географии. 12 октября, № 222
43. Мусульманские географы и путешественники. 19 октября, № 228
44. Афганские дела. 26 октября, № 233
45. Мусульмане в области географии. 2 ноября, № 239
46. Душа поджигателя (Из иностранной литературы). 10 ноября, № 246
47. Новые книги в Персии. 16 ноября, № 250
48. Англо-немецкие отношения и дело Буров. 21 ноября, № 254
49. Русско-турецкий союз. 25 ноября, № 256
50. Судьба. Эпизоды из татарской жизни. 30 ноября, № 260
51. К телеграммам. 12 декабря, № 269
52. Из области иностранной литературы (Падение в пропасть, или Седан Поль и Виктор Маргерит). 14 декабря, № 271
53. К телеграммам. Речь Вильгельма и профессор Эрве. 16 декабря, № 273
54. Араби- паша. 23 декабря, № 279
55. Хаджи Акбар. 29 декабря, № 281

## 1902

1. 1901 год в международной жизни. 1 января, № 1
2. 1901 год в международной жизни (окончание). 3 января, № 2
3. К телеграммам. Багдадская железная дорога. 9 января, № 7

3. Ашики. 11 января, № 9
4. Персидский вопрос. 18 января, № 15
5. Кадий. 19 января, № 16
6. Нушкинская дорога. 25 января, № 21
7. Назревшая потребность. 26 января, № 22
8. К телеграммам. 27 января, № 23
9. Назревшая потребность (продолжение). 31 января, № 26
10. Назревшая потребность (окончание). 1 февраля, № 27
11. Виктор Гюго (К 100-летию со дня рождения поэта). 13 февраля, № 3
12. По поводу шемахинского бедствия. 17 февраля, № 39
13. Англо-японский союз и маньчжурский вопрос. 21 февраля, № 43
14. Ночь шемахинца под Новруз-байрам. 8 марта, № 54
15. Привод к присяге. 15 марта, № 60
16. Россия и Англия на Востоке. 19 марта, № 63
17. «Фанатизм» ислама и его отношение к немусульманам. 22 марта, № 66,
18. «Фанатизм» ислама и его отношение к немусульманам (продолжение). 27 марта, № 69
19. «Фанатизм» ислама и его отношение к немусульманам (окончание). 29 марта, № 71
20. Прошлое и настоящее Персии. 26 апреля, № 91
24. Прошлое и настоящее Персии (продолжение). 27 апреля, № 92
25. Прошлое и настоящее Персии (окончание). 30 апреля, № 94

26. Фонетическая восточная азбука (Мохаммеда Султановича Шахтагтинского). 9 мая, № 101
27. Халиф Мамун и факир. 17 мая, № 106
28. К телеграммам. 22 мая, № 108
29. Конец (Рассказ). 31 мая. № 116
30. Персидский вопрос. 2 июня, № 113
31. Из кавказской жизни («Межевые» типы). 6 июня, № 120
32. Последнее слово ислама в Европе. 22 июня, № 134
33. Шушинское житье-бытье. 11 июля, № 140
34. Шушинское житье-бытье (продолжение). 29 июля, № 149
35. Секта «Исмаиля». В русских и бухарских пределах Средней Азии графа А.А.Бобринского. 20 июля, № 157
36. Шушинское житье-бытье (окончание). 26 июля, № 161
37. Англия и Россия в Персии. 4 сентября, № 191
38. А рgoros. 6 сентября, № 193
39. Беседы с шейхом. 7 сентября, № 194
40. К приезду Его Величества Музаффар-Эддина. 8 сентября, № 195
41. Красноречие цифр. 12 сентября, № 198
42. Беседа с персидским сановником. 13 сентября, № 199
43. Италия и Турция. 14 сентября, № 200
44. Первое женское учебное заведение в Персии. 17 сентября, № 201
45. Институт восточных языков для Средней Азии. 18 сентября, № 202

46. Французский ученый о евреях на Кавказе. 21 сентября, № 205
47. Как быть? 25 сентября, № 208
48. По поводу закрывшегося съезда криминалистов в Петербурге. 1 октября, № 212
49. По поводу закрывшегося съезда криминалистов в Петербурге (окончание). 4 октября, № 214
50. А рgoros (продолжение). 6 октября, № 216
51. К телеграммам. 9 октября, № 218
52. Ответ «Новостям». 10 октября, № 219
53. Россия и Персия. 16 октября, № 224
54. Измученный уголок. 18 октября, № 226
55. А рgoros (продолжение). 24 октября, № 22
56. А рgoros (продолжение). 25 октября, № 230
57. Англичане на Востоке. 27 октября, № 232
58. Ответ гг. Лаврову, Петрищеву и Фантому. 27 октября, № 232
59. Как влияет Восток на Запад? 31 октября, № 235
60. Бюджет закавказского крестьянина. 8 ноября, № 242
61. А рgoros (продолжение). 9 ноября, № 243
62. К положению закавказского крестьянина. 10 ноября, № 244
63. Волнения в Афганистане. 14 ноября, № 247
64. Наши сельские школы. 17 ноября, № 249
65. А рgoros (продолжение). 20 ноября, № 251
66. Япония во главе Азии. 21 ноября, № 252
67. Одна из сторон школьного вопроса. 27 ноября, № 255
68. Открытое письмо богачам-мусульманам. 28 ноября, № 256

69. Есть ли национальная рознь на Кавказе? 29 ноября, № 257

70. Открытое письмо Закавказскому шейх-уль-исламу. 3 декабря, № 260

71. К македонским событиям. 12 декабря, № 267

72. Англичане в Персии. 13 декабря, № 268

73. Германия и Англия. 17 декабря, № 272

74. Пожертвования мусульман и бедняки. 18 декабря, № 273

75. В борьбе с природой. 19 декабря, № 274

76. К поездке графа Ламсдорфа. 22 декабря, № 277

77. А ргорос (продолжение). 24 декабря, № 279

78. Библиография «Басиратуль-Атфал». 29 декабря, № 281

## 1903

1. Обзор иностранной жизни. Отношение к язычеству. 1 января, № 1

2. Обзор иностранной жизни. 4 января, № 3

3. Кавказская жизнь в 1902 году. 6 января, № 5

4. Болезнь «цветов». 8 января, № 6

5. И мой ответ. 10 января, № 8

6. Наши начальные школы. 11 января, № 9

7. Действительно ли нам нужны персидские рабочие? 15 января, № 12

8. Федот, да не тот! 17 января, № 14

9. А ргорос (продолжение). 18 января, № 15

10. Преступен ли наш край? 19 января, № 16

11. Задачи нашей интеллигенции. 21 января, № 17

12. Задачи нашей интеллигенции. (продолжение). 22 января, № 18

13. Задачи нашей интеллигенции. (окончание). 23 января, № 19

14. «Настроение» современной политики. 29 января, № 24

15. Происхождение ислама и его отношение к христианству и еврейству. 31 января, № 26

16. Происки англичан на юге Персии. 4 февраля, № 29

17. Тоже и всюду. 6 февраля, № 31

18. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 7 февраля, № 32

19. А ргорос (продолжение). 11 февраля, № 35

20. Апофеоз вина. 12 февраля, № 36

21. Вынужденный ответ. 14 февраля, № 38

22. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 18 февраля, № 39

23. К эмансипации мусульманской женщины. 20 февраля, № 41

24. Татарин Асан в пьесе Горького «На дне». 21 февраля, № 42

25. Курбан-байрам. 25 февраля, № 45

26. Шушинско-евлахская железнодорожная ветвь. 26 февраля, № 46

27. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 28 февраля, № 48

28. За три копейки. 5 марта, № 52

29. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 7 марта, № 54

30. Так говорил Заратустра. 9 марта, № 56

31. Объединительное значение школы. 12 марта, № 58
32. Бойкот. 13 марта, № 59
33. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 14 марта, № 60
34. Во дворце Седьмой великой державы. 16 марта, № 62
35. Общественное ли это собрание? 19 марта, № 64
36. Неуместное усердие. 20 марта, № 65
37. Преступное упорство. 21 марта, № 66
38. Справедливое требование. 23 марта, № 68
39. Нет сил! 29 марта, № 72
40. Кербела. 1 апреля, № 74
41. Кербела (окончание). 2 апреля, № 75
42. К вопросу высылки татар в Турцию. 3 марта, № 76
43. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (продолжение). 11 апреля, № 80
44. Путевые заметки. Сколько культур? Культура в Баку. 15 апреля, № 83
45. Путевые заметки. Культура в вагоне. 16 апреля, № 84
46. Вниманию наших мусульман. 17 апреля, № 85
47. Возникновение ислама и его отношение к христианству и еврейству (окончание). 18 апреля, № 86
48. Путевые заметки. Культура в деревне. 20 апреля, № 87
49. Несколько искренних слов в адрес «Шярки-рус». 22 апреля, № 88
50. Путевые заметки. Культура в деревне (окончание). 25 апреля, № 90

51. Редкий юбилей. 29 апреля, № 93
52. Турция. 3 мая, № 97
53. Кто виноват? 4 мая, № 98
54. Сила идеи. 6 мая, № 99
55. Голод и волнения в Мешхеде. 8 мая, № 100
56. К еврейскому вопросу. 9 мая, № 101
57. Просвещенный фанатизм. 11 мая, № 102
58. Между друзьями. 13 мая, № 103
59. Воспоминания о Петербурге (По поводу двухсотлетия). 14 мая, № 104
60. Эпилог. 18 мая, № 106
61. Наконец-то! 20 мая, № 107
62. Конгресс. Феерия-комедия в одном действии. 20 мая, № 107
63. Что говорят цифры. 21 мая, № 108
64. Любимцы и пасынки. 22 мая, № 109
65. К двухсотлетию Петербурга. 24 мая, № 111
66. А горос (продолжение). 25 мая, № 112
67. Завидно! 29 мая, № 114
68. А горос (продолжение). 29 мая, № 114
69. Сердце неопитки. 31 мая, № 116
70. К событиям в Сербии. 1 июня, № 117
71. К письму г. Хатисова. 1 июня, № 117
72. Мое последнее слово «Шярки-рус». 4 июня, № 119
73. Еще раз об обществе покровительства животным. 5 июня, № 120
74. К событиям в Сербии. 6 июня, № 121
75. Наши панегиристы. 7 июня, № 122
76. Рабы шаблона. 10 июня, № 124
77. Черная ненависть. 11 июня, № 125

78. Больно! 15 июня, № 129
79. Злостная легенда. 19 июня, № 132
80. А ргоров (окончание). 20 июня, № 133
81. Шушинское впечатление. 3 июля, № 144
82. Шушинское впечатление (окончание). 13 июля, № 150
83. Папство. 13 августа, № 174
84. Папство (окончание). 23 августа, № 182
85. К телеграммам. 7 сентября, № 193
86. К увольнению садр-азама. 12 сентября, № 196
87. Муштехиды. 13 сентября, № 197
88. Муштехиды (окончание). 14 сентября, № 198
89. Ашар, или Бог огня. 16 сентября, № 199
90. Возмутительная грязь. 17 сентября, № 200
91. Горький и Буренин. 19 сентября, № 202.
92. Вынужденный ответ. 19 сентября, № 202.
93. Пресмыкающиеся. 24 сентября, № 206.
94. Наши националисты. 25 сентября, № 207.
95. Китайская стена. 26 сентября, № 208.
96. По поводу «сунывальников». 30 сентября, № 210.
97. Наши педагоги. 3 октября, № 212.
98. Наши педагоги (продолжение). 4 октября, № 213.
99. Наши педагоги (окончание). 5 октября, № 214.
100. Что это такое? 5 октября, № 214.
101. Идея самоуправления. 7 октября, № 215.
102. Общее собрание Общества попечения о детях. 7 октября, № 215.
103. Новая школа для мусульманок. 8 октября, № 216.
104. Еще одно последнее сказание. 9 октября, № 217.
105. Гении уходят? 15 октября, № 222.
106. Бакинская Панама. 16 октября, № 223.
107. Помогли ли ученикам Лавровской гимназии? 17 октября, № 224.
108. Отголоски жизни. Наши галки. 19 октября, № 226.
109. О Загульбинской эпопее самобичевания. 24 октября, № 228.
110. Отголоски жизни. Сила кулака. 26 октября, № 230.
111. Вопиющее дело. 29 октября, № 232.
112. Разъяснение. 30 октября, № 233.
113. Мечты мусульманина. 1 ноября, № 235.
114. Отголоски жизни. Наши Аркаши. 2 ноября, № 236.
115. Положение дел в Персии. 5 ноября, № 238.
116. Мечты мусульманина (окончание). 6 ноября, № 239
117. История одного заседания. 7 ноября, № 240
118. Раскольниковы и Кырамы. 8 ноября, № 241
119. Отголоски жизни. Спасательная сила слов. 9 ноября, № 242
120. Что делается в Европе? 11 ноября, № 243
121. Своеобразное оправдание. 12 ноября, № 244
122. Вниманию «Бакинских известий». 13 ноября, № 245
123. Положение мусульманских народов. Ретроспективный взгляд на историю. 14 ноября, № 246
124. Отголоски жизни. В мечети. 16 ноября, № 247.
125. Газета- «аблакат». 18 ноября, № 248.
126. Что делается в Европе? 19 ноября, № 249.

127. Положение мусульманских народов. Прогрессисты и младотурки. 21 ноября, № 251
128. Горький и мусульманство. 26 ноября, № 253
129. Горький и мусульманство (продолжение). 28 ноября, № 255
130. Горький и мусульманство (окончание). 29 ноября, № 256
131. Великая борьба будущего. 2 декабря, № 258
132. Где наша интеллигенция? 3 декабря, № 259
133. Где наша интеллигенция? (окончание). 6 декабря, № 262
134. Еще раз о Загульбинской эпопее. 10 декабря, № 264.
135. Положение мусульманских народов. 13 декабря, № 267.
136. Мыслима ли расовая война? 17 декабря, № 270.
137. Положение мусульманских народов (продолжение). 19 декабря, № 272.
138. Некраснеющие публицисты. 20 декабря, № 273.
139. «Отелло» Шекспира и «Разбойники» Шиллера на татарском языке. 23 декабря, № 275.
140. Положение мусульманских народов (продолжение). 24 декабря, № 276.
141. Обзор международной жизни на Востоке. 31 декабря, № 279.

## 1904

1. Обзор международной жизни на Востоке за 1903 год. 1 января, № 1

2. Международная жизнь на Востоке в 1903 году. 4 января, № 3
3. Наши культурегери. 6 января, № 4
4. Положение мусульманских народов (продолжение). 9 января, № 6
5. Пресловутая гуманность. 10 января, № 7
6. Панмонголизм, или Новое азиатское пугало. 14 января, № 10.
7. Положение мусульманских народов (продолжение). 16 января, № 12
8. Характерные советы. 21 января, № 16.
9. Положение мусульманских народов (окончание). 23 января, № 18.
10. Характерная карикатура. 28 января, № 22.
11. Россия как искупытельница России. 29 января, № 23.
12. Вокруг войны. 13 февраля, № 37.
13. Вокруг войны (окончание). 15 февраля, № 39.
14. Реформаторские движения в Персии. 6 марта, № 56.
15. Очерки из быта и истории Японии. 11 марта, № 60.
16. Дележ. 13 марта, № 62.
17. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 17 марта, № 65.
18. Вынужденный ответ. 18 марта, № 66.
19. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 19 марта, № 67.
20. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 21 марта, № 69.

21. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 24 марта, № 71.
22. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 27 марта, № 73.
23. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 1 апреля, № 75.
24. Очерки из быта и истории Японии (продолжение). 4 апреля, № 78.
25. Очерки из быта и истории Японии (окончание). 7 апреля, № 80.
26. Англо-французское соглашение. 9 апреля, № 82
27. К турецко-болгарскому соглашению. 10 апреля, № 83.
28. Ишаны и шейхи в мусульманстве. 14 апреля, № 86.
29. Роль интеллигентных мусульман. 15 апреля, № 87.
30. Японцы о войне России и Европы. 17 апреля, № 89.
31. Контроль. 20 апреля, № 91.
32. Разъяснение. 23 апреля, № 94.
33. Шейтан-базар. 25 апреля, № 95.
34. Асари-Дагестан. 28 апреля, № 97.
35. «Жизнь Магомета» Муллы Абдурагима Гаибова. 30 апреля, № 99.
36. Лорд Керзон. 1 мая, № 100.
37. Вокруг войны. 5 мая, № 103.
38. Франция и Папа. 9 мая, № 106.
39. Процесс «Огулевич-Пильская». 11 мая, № 107.
40. К телеграммам. Персидские дела. 12 мая, № 108.
41. Мусульманские письма. Чер Мамед. 13 мая, № 109.

42. Мусульманские письма. Чер Мамед (продолжение). 14 мая, № 110.
43. Полковник Маршан. 16 мая, № 111.
44. Мусульманские письма. Чер Мамед (продолжение). 20 мая, № 113.
45. Интриги. 22 мая, № 115.
46. Мусульманские письма. Чер Мамед (окончание). 3 мая, № 116.
47. К войне. Положение Китая. 25 мая, № 117.
48. Принц Магомет Ибрагим. 27 мая, № 118.
49. Брожения в Монголии. 29 мая, № 120
50. Общее напряжение. 13 июня, № 133.
51. Доктрина Монро в Европе. 16 июня, № 135.
52. В ожидании боя. 17 июня, № 136.
53. На Балканах. 18 июня, № 137.
54. Как мы обслуживаем город? 20 июня, № 139.
55. Не нужно торопиться. 23 июня, № 141.
56. Бич Божий. 24 июня, № 142.
57. Фатализм ли это? 25 июня, № 143.
58. Золотая сотня. 26 июня, № 144.
59. Характерный факт. 1 июля, № 147.
60. Чужды ли мусульманам общечеловеческие идеалы? 2 июля, № 148
61. Чужды ли мусульманам общечеловеческие идеалы? (окончание). 4 июля, № 149.
62. Неверное сообщение. 9 июля, № 154.
63. Новое осложнение. 10 июля, № 155.
64. Завоевательный кошмар. 11 июля, № 156.
65. Муштехиды. 14 июля, № 158.
66. Франция и Папство. 15 июля, № 159.
67. Медицинская помощь туземцам. 16 июля, № 160.



68. К телеграммам. 17 июля, № 161.
69. Лорд Керзон в Лондоне. 18 июля, № 162.
70. Смерть Султана Мурада. 25 августа, № 192.
71. Характерная полемика. 26 августа, № 193
72. Микроб лени. 28 августа, № 195
73. К вниманию мусульманских благотворителей. 2 сентября, № 198
74. Сон или смерть? 4 сентября, № 201
75. Заявление персидского правительства. 10 сентября, № 204
76. Вокруг войны. 12 сентября, № 206
77. Из писем к друзьям. 14 сентября, № 207
78. Мусульманские беседы. 30 сентября, № 220
79. Мусульманские беседы (продолжение). 9 октября, № 226
80. Предложение Рузвельта. 12 октября, № 228
81. Мусульманские беседы (продолжение). 27 октября, № 239
82. Неудачная угроза. 28 октября, № 240
83. Отделение церкви от государства во Франции. 3 ноября, № 245
84. По поводу выборов городского головы. 5 ноября, № 247
85. На повороте. 6 ноября, № 248
86. Мусульманские беседы (окончание). 7 ноября, № 249
87. Все о том же... 9 ноября, № 250
88. В мечети. 12 ноября, № 253
89. Марокко. 13 ноября, № 254
90. Среди газет. 14 ноября, № 255
91. К характеристике общества. 16 ноября, № 256
92. В Персии. 20 ноября, № 260

93. Национальный вопрос на Кавказе. 21 ноября, № 261
94. Новая жизнь. 23 ноября, № 262
95. Отрадный факт. 24 ноября, № 263
96. Третейские суды. 30 ноября, № 268
97. Ляля. 3 декабря, № 271
98. Колыбельные мотивы татарки. 14 декабря, № 279
99. В Марокко (окончание). 22 декабря, № 284
100. Шериф Меккинский. 23 декабря, № 285
101. Pro domo sua. 29 декабря, № 288

## 1905

1. Обзор международной жизни за 1904 год. 4 января, № 2
2. Обзор международной жизни за 1904 год (окончание). 6 января, № 3
3. Наше баладжарское пленение. 14 января, № 10
4. Странное заключение. 15 января, № 11
5. Слова... слова... 18 января, № 13
6. Наш позор. 13 февраля, № 22
7. Наш долг. 15 февраля, № 23
8. Пример женщины. 17 февраля, № 25
9. Клевета. 19 февраля, № 27
10. «Зло Кавказа». Ответ Долуханову. 18 марта, № 48
11. «Зло Кавказа». 23 марта, № 52
12. Вынужденный ответ. 25 марта, № 54
13. Вниманию мусульман-подписчиков газеты «Шярки-рус». 29 марта, № 56
14. Необходимые разъяснения к петициям мусульман. 30 марта, № 57

15. Необходимые разъяснения к петициям мусульман (окончание). 1 апреля, №5
16. Новая газета в Баку. 30 апреля, № 80
17. Ответ «Мшаку». 24 июня, № 120
18. Письма из Петербурга. 25 июня, № 121
19. Перед грядущим. 26 июня, № 122
20. Письма из Петербурга (продолжение). 28 июня, № 123
21. Новый путь. 28 июня, № 123
22. Письма из Петербурга (продолжение). 2 июля, № 126
23. Открытое письмо армянскому писателю Ширванзаде. 28 июля, № 147
24. Письма из Петербурга (окончание). 6 августа, № 154

АХМЕД БЕК АГАЕВ (АГАОГЛУ)

## ГДЕ ЖЕ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

ПОДБОРКА  
ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ  
ИЗ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»

Эта книга задумана в год 150-летия со дня рождения выдающегося азербайджанского публициста Ахмед бека Агаева (Агаоглу) (1869-1939) и 100-летия со дня закрытия газеты «Каспий» (1881-1919). Взору современников третьего тысячелетия представлена панорама дореволюционной жизни Азербайджана сквозь призму единственного в Баку источника информации того времени – ежедневной общественно-политической газеты и ее самого плодovitого автора. Ахмед бек занимал исключительное место среди авторов «Каспия» и в буквальном смысле слова стал лицом издания. В преддверии Первой русской революции, в 1898-1905 гг., на страницах «Каспия» были напечатаны около 600 его статей, очерков, корреспонденций и т.д. Публикации отличались тематическим многообразием и широким географическим охватом, за которыми четко вырисовывался облик масштабной личности А.Агаева. Он стал стержневой персоной национального медийного поля и именно поэтому сумел направить прицельное внимание на проблемы, нужды и чаяния родного народа – азербайджанских тюрок, упорно называемых царскими властями татарами, инородцами, туземцами. Представленная в данном сборнике подборка блестящих образцов публицистического наследия Ахмед бека Агаева озвучивает интонации той эпохи, в которой шло становление национального самосознания азербайджанцев. Глубокие и яркие мысли великого публициста дают пищу для размышлений широкому кругу читателей, среди которых прочное место занимают историки, филологи, журналисты и все люди с сильной гражданской позицией.



7.90<sup>▲</sup>

QANUN  
NƏŞRİYYATI



QANUN NƏŞRİYYATI

kitab sifariş (012) 431-16-62  
və [www.qanun.az](http://www.qanun.az) saytında



[www.fb.com/qanunpublishing](http://www.fb.com/qanunpublishing)



[www.instagram.com/qanunpublishing](http://www.instagram.com/qanunpublishing)